



Совет по правам человека

Сорок шестая сессия

22 февраля — 19 марта 2021 года

Пункт 3 повестки дня

**Поощрение и защита всех прав человека,
гражданских, политических, экономических,
социальных и культурных прав,
включая право на развитие**

**Доклад Специального докладчика по вопросу
о положении в области прав человека в Мьянме
Томаса Х. Эндрюса* ****

Резюме

Настоящий доклад Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Мьянме представляется во исполнение резолюции 43/26 Совета по правам человека. В своем докладе Специальный докладчик анализирует ситуацию с правами человека до и после военного переворота и выносит рекомендации по защите и поощрению прав человека в Мьянме.

* Настоящий доклад был представлен после установленного срока, с тем чтобы отразить в нем самую последнюю информацию.

** Приложения к настоящему докладу распространяются в полученном виде только на том языке, на котором они были представлены.



I. Введение

1. Военный переворот, инициированный старшим генералом Мин Аун Хлайном и старшими офицерами вооруженных сил 1 февраля 2021 года, оказал немедленное воздействие на политический, социальный и экономический ландшафт в Мьянме и на фундаментальные вопросы прав человека. С учетом серьезности нарушений прав человека, связанных с приходом к власти военных, и резолюции S-29/1 Совета по правам человека от 12 февраля 2021 года основная часть настоящего доклада посвящена главным образом событиям, произошедшим в Мьянме после переворота; в нем отражена ситуация с правами человека в Мьянме по состоянию на 1 марта 2021 года. В его приложении III отражена ситуация с правами человека на протяжении 2020 года и вплоть до переворота. Если бы не переворот, приложение III составило бы основную часть доклада.

2. Встречи Специального докладчика в Мьянме по необходимости были виртуальными. В свой первый день в качестве мандатария он официально обратился с просьбой о посещении Мьянмы, направив письмо государственному советнику Аун Сан Су Чжи. Ему сообщили, что в связи с пандемией посещение страны невозможно. Впоследствии он повторил эту просьбу. Не имея возможности посетить страну, он провел обширное исследование ситуации с правами человека в Мьянме как до, так и после переворота, проведя виртуальные встречи с широким кругом источников, включая членов гражданского общества, журналистов, правозащитников, активистов, членов парламентов многих государств-членов, представителей международных организаций, членов дипломатического сообщества, международные правозащитные механизмы и представителей деловых кругов. Специальный докладчик высоко оценивает полезную информацию, предоставленную всеми собеседниками, и проведенный ими анализ и подчеркивает, что подготовка доклада была бы невозможна без их поддержки.

II. Переворот

3. Военные Мьянмы свергли 1 февраля 2021 года гражданское правительство в результате незаконного государственного переворота. Провозгласив себя «Государственным административным советом», хунта начала совершать нарушения прав человека, включая убийства, произвольные задержания, избияния и вероятные насильственные исчезновения. Государственный административный совет также ввел законы и политику, направленные на подавление свободы слова, свободы мирных собраний и ассоциации, а также права на неприкосновенность частной жизни. В результате переворота в Мьянме было полностью отменено верховенство права.

4. Несмотря на угрозы хунты, включая прозвучавшее по национальному телевидению сообщение о том, что участники протестов могут «погибнуть», возникло ненасильственное общенациональное движение гражданского неповиновения, преодолевшее различия в этнической принадлежности, религии и социально-экономическом статусе. Миллионы людей вышли в сотнях населенных пунктов на демонстрации протеста против военного правления.

5. В период с 1 февраля до момента написания настоящего доклада хунта произвольно задержала более 1200 человек и убила по меньшей мере 23 человека. Ожесточенные столкновения и произвольные задержания растут угрожающими темпами. Столкнувшись с падением темпов экономического роста под тяжестью мощного движения гражданского неповиновения, председатель Мин Аун Хлайн пригрозил бастующим государственным служащим дисциплинарными мерами, если они не вернутся на работу. Людям это не испугало.

A. Выборы в качестве предлога

6. В Мьянме 8 ноября 2020 года прошли общенациональные выборы. Национальная лига за демократию получила абсолютное большинство, получив 396 из

476 мест, в то время как поддерживаемая военными Партия солидарности и развития Союза получила 33 места.

7. Партия солидарности и развития Союза заявила о массовом мошенничестве, а военные потребовали от Избирательной комиссии Союза Мьянма расследовать заявления о нарушениях в ходе голосования, несмотря на то, что независимые наблюдатели не сообщили о каких-либо доказательствах нарушений. Военные Мьянмы сначала утверждали, что в списках избирателей было обнаружено 8,6 млн случаев нарушений, а затем 10,5 млн случаев, распределенных по 314 населенным пунктам. Военные заявили, что предполагаемые нарушения могли изменить исход выборов.

8. Представитель военных 26 января 2021 года предупредил, что военные примут меры, если спор о выборах не будет урегулирован, добавив, что военные не говорят, возьмут ли они власть или нет. Затем главнокомандующий Мин Аун Хлайн заявил, что Конституция может быть отменена, что еще больше усилило опасения по поводу переворота. Затем военные вывели на улицы Янгона, Нейпидо и других населенных пунктов военную технику, включая бронетранспортеры.

9. Избирательная комиссия 28 января объявила, что нет никаких доказательств в поддержку утверждения о широко распространенном мошенничестве. Она заявила, что она расследует 287 жалоб, и признала, что в некоторых списках обнаружилось дублирование имен, но подчеркнула, что избиратели не могли подать несколько бюллетеней, так как их пальцы были помечены несмываемыми чернилами. Это заключение расчистило путь для нового парламента, который должен был начать работу 1 февраля.

10. В связи с ростом напряженности представители Национальной лиги за демократию и военные, по сообщениям, провели переговоры в дни, предшествующие 1 февраля. Представители военных якобы потребовали отложить созыв сессии парламента, распустить Избирательную комиссию и провести повторную проверку голосов под контролем военных. Мин Аун Хлайн публично заявил, что высказывания военных относительно переворота и Конституции были неправильно поняты. Сообщения и последующие действия указывают на то, что переговоры провалились.

В. Свержение избранного правительства

11. В 3 часа утра 1 февраля, до того как новоизбранные парламентарии успели принять присягу, военные начали свой незаконный государственный переворот. Военные вынудили отключить телекоммуникации почти по всей стране, отключив голосовые, текстовые и мобильные интернет-услуги. Затем военные поставили под свой контроль законодательную, судебную и исполнительную ветви власти; арестовали десятки правительственных чиновников, включая государственного советника Аун Сан Су Чжи и президента Вин Мьина; задержали активистов; и поместили избранных должным образом парламентариев под домашний арест в Нейпидо.

12. Военные Мьянмы сослались 1 февраля на статью 417 Конституции, которая разрешает сохранение власти военных в течение одного года в случае, если президент объявляет чрезвычайное положение перед лицом ситуации, которая угрожает суверенитету страны, может привести к распаду Союза или угрожает сохранению национальной солидарности. Хунта объявила о создании Государственного административного совета, председателем которого стал Мин Аун Хлайн. Затем хунта назначила новых руководителей министерств, заменила членов Избирательной комиссии, ввела новые, драконовские законы и внесла поправки в существующие, назначила новых судей в Верховный суд и выдвинула пять условий, необходимых для передачи власти: воссоздание Избирательной комиссии, борьбу с эпидемией коронавирусной болезни (COVID-19), улучшение экономики, восстановление

«вечного мира» с этническими вооруженными организациями и проведение демократических выборов¹.

13. Даже если бы имели место определенные нарушения в ходе выборов, они не оправдывали бы введения чрезвычайного положения, захвата рычагов управления и задержания гражданского руководства и представителей гражданского общества. Если даже принять во внимание расплывчатые формулировки Конституции, утверждения о нарушениях в ходе выборов не поднимаются до уровня конституционных условий, необходимых для законного применения статьи 417 с целью объявления чрезвычайного положения, которое может быть введено только в ситуациях, которые могут привести к распаду Союза, «дезинтеграции» национальной солидарности или потере суверенитета. Более того, эти ситуации должны быть вызваны определенными видами действий или попыток, которые перечисляются следующим образом: мятеж, насилие или противоправные насильственные средства. Обеспокоенность по поводу списков избирателей не поднимается до этого уровня.

14. Кроме того, захват власти военными был в процедурном отношении незаконным в соответствии с Конституцией. Согласно статье 417 только президент Мьянмы может объявить чрезвычайное положение и только после консультации с Советом национальной обороны и безопасности. Однако, поскольку военные Мьянмы незаконно сместили президента Вин Мьяна, он не мог публично объявить что-либо, не говоря уже о введении чрезвычайного положения. Назначенный военными вице-президент Мьин Све незаконно объявил чрезвычайное положение. Согласно статье 421 а) президент должен получить согласие парламента («представить вопрос о передаче суверенной власти») на очередной или чрезвычайной законодательной сессии. Этого, разумеется, не произошло, поскольку парламент был распущен.

15. Согласно Конституции 2008 года, разработанной военными, переворот является незаконным. Генералы нарушили свои собственные правила, когда захватили контроль над правительством. Таким образом, Государственный административный совет и его действия являются незаконными.

III. Население Мьянмы осуществляет свои права

16. Военный переворот объединил народ Мьянмы. Миллионы людей вышли на улицы по всей стране, требуя демократии и прав человека, а также немедленного прекращения правления хунты. Среди протестующих — буддийские монахи и мусульманские священнослужители, идущие бок о бок; государственные служащие из различных секторов; врачи и медсестры, рабочие и члены профсоюзов, банкиры и педагоги; представители каренов, чинов, шанов, качинов и других этнических групп; молодежь и пожилые. Народ Мьянмы справедливо требует освобождения государственного советника, президента и всех политических заключенных. Многие призывают к принятию новой конституции, чтобы раз и навсегда отстранить военных от политики. Подавляющее большинство жителей Мьянмы объединены в яростном неприятии переворота и поддерживают движение гражданского неповиновения. Многие протестующие бирманцы, составляющие этническое большинство, также выразили сожаление по поводу того, что ранее не признавали зверские преступления военных против этнических меньшинств, в частности против рохинджа.

A. Движение гражданского неповиновения

17. На следующий день после переворота, в 8 часов вечера 2 февраля, люди по всей стране в унисон стучали кастрюлями и сковородками — традиционная практика для отпугивания злых духов — в знак протеста против захвата власти военными. К 6 февраля возникло хорошо организованное, хотя и естественное и номинально лишенное лидеров, движение гражданского неповиновения. С самого начала в этой

¹ Государственный административный совет, уведомление № 1/2021, 2 февраля 2021 года; и обращение Мин Аун Хлайна от 8 февраля 2021 года.

кампании приняли участие медицинские работники, знаменитости, государственные служащие, профессора, юристы, религиозные лидеры и другие люди. Заметное и ведущее место в этом движении заняло «поколение Z» (те, кто моложе 25 лет).

18. Специальный докладчик получил сообщения о том, что работники государственного сектора, представляющие по меньшей мере 245 населенных пунктов (из 330) и 21 министерство, объявили забастовку в первые недели после переворота. Забастовка распространилась от работников здравоохранения до работников государственного сектора в многочисленных министерствах, включая те, которые отвечают за железную дорогу, таможенную, торговлю, электричество и энергетику, транспорт и связь, а также сельское хозяйство, животноводство и ирригацию. К ним присоединились учителя, сотрудники центрального банка и другие государственные служащие. В частном секторе профсоюзы призвали своих членов к забастовке, и к движению присоединились банковские служащие, повара, работники продуктовых магазинов и другие.

19. С целью создания региональных забастовочных комитетов, поддержки участников движения гражданского неповиновения, а также поддержания и координации движения 19 февраля был сформирован всеобщий забастовочный комитет против военной диктатуры². Самые крупные уличные протесты со времени переворота — и, возможно, когда-либо в Мьянме — состоялись 22 февраля 2021 года (так называемые «пять двоек»): по неподтвержденным оценкам, на улицы вышли миллионы людей по всей стране, несмотря на прозвучавшие по телевидению за день до этого угрозы хунты в отношении «гибели людей»³. Народ Мьянмы провел мирные акции протеста по меньшей мере в 247 из 330 населенных пунктов по всей стране.

20. Движение гражданского неповиновения привело к тому, что государство практически перестало выполнять свои функции. Забастовки почти во всех секторах общества, включая банковское дело, по сообщениям, привели к сокращению физического обращения наличных денег, а операции в банках в основном прекратились. Государственная валюта, кьят, обесценилась, что привело к росту расходов, в то время как многие работники не получают зарплату. Импорт рафинированной нефти прекратился.

21. На вопрос о том, как долго население сможет выдержать лишения, связанные с забастовкой, один из протестующих ответил, что оно сможет выдержать столько времени, сколько потребуется, отметив, что большинство людей уже пережили лишения и научились обходиться без многого. Несколько человек высказали опасения, что военные могут ранить или даже убить их во время протестов; однако все они ответили, что больше всего они боятся возврата к военной диктатуре.

22. Группа лидеров движения гражданского неповиновения обнародовала пять основных требований и целей: а) освободить всех задержанных; б) отменить военную диктатуру; в) добиться демократии; г) создать федеральный демократический союз; и е) отменить Конституцию 2008 года.

В. Комитет, представляющий Ассамблею Союза (Pyidaungsu Hluttaw)

23. Группа должным образом избранных парламентариев от Национальной лиги за демократию в составе 390 человек подписала 4 февраля присяги в Нейпидо, бросив вызов хунте. Члены парламента заявили, что их действия соответствуют Конституции 2008 года, поскольку они уже официально получили аккредитации от Избирательной комиссии. Более того, по их мнению, пока Конституция 2008 года остается в силе, никто не может лишить их статуса членов парламента. На следующий день, 5 февраля, 15 членов парламента официально создали Комитет, представляющий Ассамблею Союза, для поддержки движения против переворота. Два члена парламента из числа

² Всеобщий забастовочный комитет против военной диктатуры, заявление № 1/2021, 19 февраля 2021 года.

³ Государственный административный совет, заявление по Радио и телевидению Мьянмы (MRTV), 21 февраля 2021 года.

этнических меньшинств, один от Демократической партии штата Кая и один от Национальной партии Та'анг, присоединились к Комитету 10 февраля, доведя его состав до 17 человек. Основные задачи Комитета включают в себя обеспечение безоговорочного освобождения лиц, подвергшихся произвольному задержанию, выполнение обязанностей парламента и формирование правительства.

24. Члены комитета отказываются признать Государственный административный совет и заявляют, что переворот не отменяет законную власть, возложенную на них народом. Комитет объявил 1 марта Государственный административный совет террористической организацией. Комитет призвал международное сообщество и впредь признавать правительство, возглавляемое Национальной лигой за демократию, в качестве законного руководства Мьянмы, а Комитет будет играть вспомогательную роль. Комитет назначил Салай Маун Тайн Сана (известного как доктор Саса), выдающегося этнического чина, Специальным посланником по делам Организации Объединенных Наций, а Хтин Лин Ауна — Специальным представителем по международным отношениям.

25. Одиннадцать ассамблей штатов и регионов созвали и одобрили Комитет (ассамблеи штатов Кая, Мон и Ракхайн не сделали этого). Комитет также заручился поддержкой видных участников движения гражданского неповиновения, включая Ассоциацию юристов Мьянмы и работников здравоохранения.

26. Государственный административный совет выдал 15 февраля ордера на арест всех членов Комитета по статье 505 b) Уголовного кодекса, при этом Мин Аун Хлайн назвал Комитет параллельным правительством. Все 17 членов Комитета остаются в подполье.

27. Выступая перед Генеральной Ассамблеей на неофициальном заседании 26 февраля, Постоянный представитель Мьянмы при Организации Объединенных Наций Чо Моэ Тун безоговорочно осудил военных и государственный переворот. В своем обращении, которое он назвал посланием Комитета, он призвал государства-члены и Организацию Объединенных Наций принять «самые решительные меры, чтобы остановить насильственные и жестокие действия, совершаемые силами безопасности против мирных демонстрантов, и немедленно положить конец военному перевороту»⁴. На следующий день государственное телевидение Мьянмы объявило об увольнении Чо Моэ Туна, заявив, что он предал страну. По состоянию на 1 марта Организация Объединенных Наций продолжала признавать Чо Моэ Туна в качестве Постоянного представителя Мьянмы.

IV. Нарушение прав Государственным административным советом

28. Хунта ответила на ненасильственные и мирные протесты убийствами, избиваниями, массовыми произвольными задержаниями, запугиванием (включая переданную по государственному телевидению угрозу, о которой говорилось выше) и систематическим подавлением гражданских и политических прав. Массовые протесты и забастовки продолжаются.

A. Убийства

29. Специальный докладчик получил достоверные сообщения о том, что по состоянию на 1 марта силы безопасности Мьянмы убили по меньшей мере 23 человека. Однако он подчеркивает, что на момент написания настоящего доклада появились подробные сведения о разгоне 3 марта общенациональных демонстраций, повлекшем гибель людей, и поступили достоверные сообщения, которые пока еще не подтверждены, о том, что только в этот день было убито по меньшей мере 38 человек.

⁴ “Myanmar Ambassador to UN denounces military coup, as envoy warns democratic processes have been ‘pushed aside’”, UN News, 26 February 2021.

Все убийства, совершенные после переворота, являются нарушением международного права, и многие из них, хотя и не все, описаны ниже в том контексте, в котором их совершили силы безопасности хунты.

Одна девушка-подросток убита в Нейпидо

30. Мин Аун Хлайн впервые после незаконного государственного переворота обратился 8 февраля 2021 года к народу Мьянмы по телевидению в прямом эфире. Он подчеркнул, что военные взяли на себя государственную ответственность по неизбежным причинам и что они будут строить подлинную и дисциплинированную демократическую систему⁵. В тот же день хунта применила статью 144 Уголовно-процессуального кодекса в населенных пунктах по всей стране, запретив публичные собрания численностью более пяти человек и введя комендантский час с 8 часов вечера до 4 часов утра⁶.

31. Полиция Мьянмы применила 8 февраля против протестующих водометы и открыла огонь резиновыми пулями прямо по демонстрантам, в том числе в Нейпидо.

32. Десятки тысяч людей вышли 9 февраля на улицы в более чем 300 городах и поселках Мьянмы. В тот день среди протестующих в Нейпидо находилась 19-летняя студентка, требовавшая возвращения гражданского правительства. Когда полиция направила струю водомета на толпу протестующих, она и ее сестра укрылись за автобусной остановкой. Специальный докладчик просмотрел видеозапись, на которой видно, как жертва в шлеме, повернувшись спиной к полиции, внезапно падает. Ее сестра сняла с жертвы шлем, обнаружив кровь и, судя по всему, входное отверстие раны на затылке.

33. Сестра пострадавшей и другие люди быстро доставили ее в стационарный общий госпиталь в Нейпидо. По словам лечившего ее врача, жертва была ранена в голову боевым патроном, ранение было смертельным и фактически наступила смерть мозга. Врач на месте происшествия сообщил, что военные пытались перевести жертву в военный госпиталь, чтобы, по мнению врача, попытаться скрыть доказательства инцидента, но врач успешно возразил, что серьезность ее ранения требует, чтобы она оставалась там, где она была. В настоящее время врач скрывается, опасаясь преследований со стороны хунты.

34. В своем заявлении хунта отказалась признать свою ответственность, заявив, что 9 февраля у полиции было только оружие для противодействия массовым беспорядкам и что пуля в мозгу жертвы не соответствует боеприпасам, которые использует полиция. Специальный докладчик просмотрел фотографии, на которых видно, как сотрудник полиции Мьянмы, находившийся неподалеку от жертвы, целится из произведенного в Мьянме варианта израильского пистолета-пулемета «Узи», что опровергает утверждение о том, что полиция использовала только снаряжение для разгона демонстраций.

35. Лидер хунты Мин Аун Хлайн отверг версию убийства на заседании Государственного административного совета 23 февраля. В опубликованных сообщениях Мин Аун Хлайн, по-видимому, возложил вину за ранение на жертву, заявив, что она участвовала в беспорядках. Он повторил ложное утверждение о том, что полиция использовала только резиновые пули.

36. День рождения жертвы был спустя два дня, после того как в нее выстрелили, а неделей позже семья дала согласие на ее отключение от системы жизнеобеспечения. Она умерла 19 февраля. На ее похоронную процессию собрались тысячи людей.

⁵ Государственное телевидение Мьянмы, первоначально на <https://www.facebook.com/523763414336156/posts/3858998297479301/?sfnsn=mo>.

⁶ “Section 144 of Criminal Procedure imposed in Nay Pyi Taw territory and townships in states/regions”, *Global New Light of Myanmar*, 10 February 2021.

Трое мужчин и один юноша-подросток убиты в регионе Мандалай

37. Когда движение гражданского неповиновения и всеобщая забастовка продолжали набирать обороты, гражданские служащие (докеры) на государственной верфи Яданарбон в Мандалае объявили 19 февраля забастовку, помешав отплытию судна. Вмешалась полиция Мьянмы, которая попыталась заставить докеров вернуться на работу. Вскоре собрались жители близлежащих районов, чтобы выразить протест против действий полиции, которая затем напала на протестующих. Специальный докладчик просмотрел видеозапись, на которой видно, как полиция нападает на протестующих и открывает по ним огонь. В сообщениях, переданных из Мандалая 20 февраля, указывалось, что силы безопасности Мьянмы открывали огонь по протестующим более 100 раз, в том числе боевыми патронами.

38. Среди обстрелянных был 16-летний юноша. Он работал на местном рынке, где продавцы называли его «мальчуганом», и старался заработать достаточно денег, чтобы купить мобильный телефон и мотоцикл. Он присоединился к протестующим 20 февраля, когда их группа дошла до рынка, где он работал. Специальный докладчик просмотрел видеозаписи и фотографии многих людей, укрывающихся от обстрела. Через несколько мгновений после того, как протестующие укрылись, видно, что юноша лежит на земле, получив большую огнестрельную рану головы, повлекшую его смерть. Специальный докладчик также просмотрел видеозапись, на которой видно, как юношу перевозят во временный центр медицинской сортировки в монастыре, где медики-волонтеры оказывают помощь нескольким людям с зияющими пулевыми ранениями. Медики быстро определили, что юноша мертв, и накрыли ему лицо красной простыней.

39. В тот же день силы безопасности также застрелили 36-летнего мужчину — мужа, отца и плотника — боевыми патронами, когда он протестовал против усилий сил безопасности по прекращению забастовки докеров. Специальный докладчик просмотрел фотографии этого мужчины, сделанные сразу после того, как он был ранен в живот. Он умер в машине скорой помощи по пути в больницу.

40. Силы безопасности ранили третьего мужчину в ногу 19 февраля в Мандалае. Он умер 23 февраля, найдяшись под стражей хунты. Хунта настаивает на том, что он умер от COVID-19, однако Специальный докладчик получил достоверные сообщения о том, что смерть мужчины могла наступить в результате умышленного отказа в оказании медицинской помощи при ранении ноги во время содержания под стражей. Эта смерть может представлять собой не только убийство, но и пытку. Специальный докладчик по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания ранее подчеркивал, что в многочисленных решениях Комитета против пыток и других соответствующих контрольных органов было четко установлено, что пытки могут совершаться путем бездействия⁷.

41. Специальный докладчик видел фотографии, на которых изображены солдаты 33-й легкой пехотной дивизии, участвовавшие в ответных действиях сил безопасности против протестующих в Мандалае 20 февраля, включая солдат со снайперскими винтовками. По мнению аналитиков в области безопасности, легкие пехотные дивизии, включая 33-ю легкую пехотную дивизию, можно разворачивать как мобильные подразделения, подчиняющиеся непосредственно главнокомандующему. 33-я легкая пехотная дивизия неоднократно нарушала права человека, в том числе участвовала во внесудебных казнях, насильственных исчезновениях и сексуальном насилии в отношении мирного населения рохинджа в штате Ракхайн в 2017 году, а также гражданских лиц в штате Качин и на севере штата Шан.

42. По словам медиков, прибывших на место происшествия в Мандалае 19 февраля, силы безопасности ранили не менее 40 человек; у большинства из них были огнестрельные ранения.

⁷ A/HRC/13/39/Add.5, п. 31.

Один мужчина убит в Янгоне

43. В рамках общей амнистии Государственный административный совет освободил 12 февраля более 23 000 заключенных, осужденных за преступления. После их освобождения Специальный докладчик получил многочисленные сообщения о нападениях и грабежах, сопровождавшихся неподтвержденными случаями поджогов и вандализма. В одном случае, записанном на видео, жители городка Санчаун в Янгоне задержали четырех человек, которые заявили, что им заплатили за то, чтобы они ночью проникали в дома.

44. По всей Мьянме возникли комитеты соседского дозора из-за вполне обоснованного страха перед нападениями и преступной деятельностью со стороны предполагаемых сторонников хунты, ночными рейдами и произвольными арестами, проводимыми под руководством полиции. Соседи обмениваются информацией о передвижениях солдат и полиции, а также о присутствии неизвестных лиц. Когда они замечают полицию или возможных сторонников хунты в своем районе, жители стучат кастрюлями и сковородками, чтобы предупредить соседей.

45. Одним из таких добровольных дозорных в пригороде Янгона был 30-летний женатый мужчина, имеющий 5-летнего ребенка. Он находился 20 февраля в дозоре, когда после ссоры между ним и группой лиц, симпатизирующих военным, прибыла полиция. По словам очевидцев, на место происшествия прибыла полицейская машина без опознавательных знаков и пострадавший спросил полицейских, почему они находятся в их окрестности. Затем полиция обругала его и, как сообщается, произвела три выстрела, один из которых в голову, мгновенно убив его. Специальный докладчик видел фотографии жертвы со смертельной раной головы. По сообщениям, посмертный анализ показал, что пуля вошла в затылок и вышла через правый глаз, что указывает на то, что в него стреляли сзади. По сообщениям, полиция отказалась начать расследование.

По меньшей мере 18 человек убиты 28 февраля 2021 года в Янгоне, Тавое, Мандалае, Мьейе, Баго и Пакхоуку

46. Хунта публично заявила по государственному телевидению 22 февраля следующее: «Протестующие сейчас толкают народ, особенно эмоциональных подростков и молодежь, на путь конфронтации, где их ждет гибель». Поддерживаемые военными контрпротестующие предприняли 25 февраля жестокие нападения на протестующих, в первую очередь в Янгоне, нанося безоружным людям ножевые ранения и избивая их в беспорядочных сценах на улицах города. Затем, начиная с вечера 25 февраля, силы безопасности Мьянмы начали более жесткое подавление выступлений. Полиция в Янгоне без предупреждения напала на протестующих и применила слезоточивый газ и резиновые пули — тактика, которая уже применялась за пределами Янгона.

47. Силы безопасности Мьянмы 28 февраля резко активизировали применение смертоносной силы против демонстрантов по меньшей мере в шести городах страны. Специальный докладчик получил достоверные сообщения об убийствах, включая сообщения о том, как служащие полиции и вооруженных сил стреляли в толпы людей, насчитывавшие сотни протестующих, в юго-восточном городе Тавое, стреляли в убегающих протестующих в Мандалае и убили женщину, выстрелив, по-видимому, наугад, когда она шла по улице, а также подвергали смертельной опасности протестующих в Янгоне.

48. Эти последние по времени случаи убийства показывают, что силы Мьянмы в настоящее время занимаются систематическими убийствами по всей стране. Маловероятно, что силы безопасности могли в разных местах совершить эти убийства в один и тот же день без прямого одобрения высшего руководства хунты, включая Мин Аун Хлайна. В контексте проводимых расследований ответственность должна распространяться на лиц, занимающих высшие командные должности, в соответствии с международным правом.

В. Непропорциональное применение силы

49. Специальный докладчик просмотрел десятки видеозаписей и фотографий, на которых видно, как силы безопасности Мьянмы применяют чрезмерную силу, включая жестокое избиение безоружных людей, незаконное применение менее смертоносного оружия, такого как рогатки, резиновые пули и водометы, и стрельбу боевыми патронами при разгоне протестов и задержании людей. Акты насилия в отношении протестующих и бастующих гражданских служащих имели место, по крайней мере, в Мьичине и Ваингмау, штат Качин; Нейпидо; многочисленных населенных пунктах региона Мандалай; Моламьяйне, штат Мон; Мьявади, штат Кайин; Мьяунгмье, регион Иравади; и Янгоне.

50. Например, с самого начала переворота полиция Мандалая санкционировала применение чрезмерной силы. Согласно заверенному полицейскому меморандуму Мандалая от 3 февраля полицейские были проинструктированы «стрелять» по протестующим «из дробовика для подавления массовых беспорядков 12-го калибра по одному протестующему» и «из 38-мм ружья для подавления массовых беспорядков, если протестующие находятся в толпе»⁸. В меморандуме ничего не говорится о защите права на мирные собрания. Помимо случаев гибели и ранения людей в результате стрельбы 28 февраля и на верфи Яданарбон полиция Мандалая совершила множество других нападений на людей, включая жестокое избиение 21-летнего мужчины с церебральным параличом. На видео, запечатлевшем этот инцидент и просмотренном Специальным докладчиком, видно, как группа полицейских Мьянмы жестоко избивает безоружного мужчину дубинками.

51. Поддерживаемые военными провокаторы контрпротестов также совершали нападения на демонстрантов, особенно в Янгоне, начиная с 25 февраля. Специальный докладчик получил достоверные сообщения о том, что силы безопасности и связанные с военными структуры оказывали поддержку агрессивным контрпротестующим. В частности, полиция, как оказалось, убирала баррикады с места протеста в Янгоне, что способствовало насильственным столкновениям с продемократическими демонстрантами. По сообщениям, некоторые агрессивные контрпротестующие прибыли в районы Янгона на автобусах, принадлежащих конгломерату «Мьянмар экономик холдингс лимитед», которым владеют военные. Специальный докладчик получил многочисленные сообщения, в том числе подкрепленные видео и фотографиями, о том, что 25 февраля в Янгоне провокаторы напали среди бела дня на продемократических демонстрантов и нанесли им ножевые ранения, при этом полиция никак на этот не отреагировала.

52. Специальный докладчик получил видеозапись от 27 февраля, на которой видно, как силы безопасности и люди в штатском жестоко избивают безоружных демонстрантов в городе Мониве, расположенном в регионе Сагаинг. Помимо массовых убийств, насилие, совершенное 28 февраля, привело к тому, что по меньшей мере 30 человек получили ранения в результате применения чрезмерной силы, включая несмертельные огнестрельные ранения.

С. Произвольное задержание

53. На момент написания настоящего доклада хунта произвольно задержала более 1200 человек с начала переворота. Среди политических заключенных — члены Национальной лиги за демократию, депутаты парламента, сотрудники Избирательной комиссии, политические активисты, члены гражданского общества, государственные служащие, журналисты, адвокаты, учителя, медики, студенты и знаменитости. Хунта выдала ордера на арест по меньшей мере 32 человек, которые, по сообщениям, скрываются. На момент написания настоящего доклада власти признали виновными

⁸ Fortify Rights, “Myanmar: rescind order to use force against protesters, protect basic freedoms”, 5 February 2021. URL: <http://www.fortifyrights.org/mya-inv-2021-02-05/>.

по меньшей мере 4 из 900 задержанных и приговорили их к тюремному заключению на срок от семи дней до двух лет.

54. Со времени переворота полиция, военные, представители власти в штатском и сотрудники Главного административного управления, такие как администраторы поселков и округов, подвергают людей произвольным задержаниям.

55. Силы безопасности произвольно задерживали людей во время протестов и в их жилищах во время незаконных ночных рейдов без предупреждения или ордера, иногда завязывая задержанным глаза. Сразу после задержания людей силы безопасности конфисковывали их телефоны, фактически лишая их связи с членами семьи, адвокатами и другими лицами. В подавляющем большинстве случаев арестов нет никаких указаний на предъявление задержанным каких-либо обвинений. Большинство семей задержанных не получали от сил хунты никакой информации о самочувствии или местонахождении своих родственников. Таким образом, многие задержания могут быть приравнены к насильственному исчезновению.

Конкретные группы

56. *Национальная лига за демократию.* Государственный советник Аун Сан Су Чжи, президент Вин Мьин и почти весь Центральный исполнительный комитет Национальной лиги за демократию считаются задержанными. По сообщениям, Аун Сан Су Чжи и Вин Мьин предстали перед судом по видеосвязи 16 февраля и 1 марта. Аун Сан Су Чжи обвиняется в соответствии с законом о борьбе со стихийными бедствиями за предполагаемое нарушение ограничений COVID-19 во время предвыборной кампании; законом об импорте и экспорте за владение рациями; статьей 67 закона о телекоммуникациях за владение нелегализованным телекоммуникационным устройством; и статьей 505 b) Уголовного кодекса за подстрекательство к беспорядкам. Вин Мьин обвиняется в соответствии с законом о борьбе со стихийными бедствиями и статьей 505 b) Уголовного кодекса. Следующее слушание по обоим делам, как сообщается, назначено на 15 марта. Обвинения были предъявлены и многим другим деятелям Национальной лиги за демократию, некоторые из которых предстали перед судьей на тайных слушаниях без доступа к юридическому представительству. Полиция Мьянмы также провела ночные рейды в офисах и штаб-квартире партии, в том числе 9 февраля, конфисковав компьютерную систему. Хунта ведет планомерную работу по ликвидации партийного руководства и самой партии Национальная лига за демократию.

57. *Гражданские служащие и организаторы протестов.* Силы безопасности Мьянмы провели десятки произвольных арестов рядовых организаторов движения гражданского неповиновения. Силы безопасности задержали гражданских служащих, включая врачей, адвокатов, полицейских, учителей, чиновников Министерства иностранных дел и Министерства планирования, финансов и промышленности и прочих лиц.

58. *Избирательная комиссия Союза Мьянма.* Силы безопасности задержали старших должностных лиц Избирательной комиссии, а также чиновников среднего и низшего звена во многих штатах и регионах.

59. Эти массовые произвольные задержания нарушают статьи 9, 10 и 11 Всеобщей декларации прав человека, которые соответственно запрещают произвольный арест и задержание; дают право каждому человеку на справедливое и публичное разбирательство дела независимым и беспристрастным судом при определении его прав и обязанностей и при предъявлении ему любого уголовного обвинения; и требуют соблюдения для каждого человека, обвиняемого в совершении уголовного преступления, права считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты.

60. На момент написания настоящего доклада семьи лиц, задержанных 1 февраля, уже четыре недели не имели никакой информации о состоянии и местонахождении задержанных членов семьи. Когда человек задержан государственными субъектами или при их попустительстве и нет официального подтверждения или информации о

его состоянии и местонахождении, это считается насильственным исчезновением⁹. Длительный период отсутствия связи или информации о местонахождении задержанных в Мьянме создает серьезную вероятность возможных массовых насильственных исчезновений.

D. Правовые ограничения гражданских и политических прав

61. Со времени незаконного захвата власти военными Государственный административный совет издает драконовские указы, внося поправки в существующие законы, устанавливая новые правила и навязывая свою волю телекоммуникационным компаниям, и все это в нарушение закона и прав народа на свободу выражения мнений, свободу мирных собраний и ассоциации, а также на доступ к информации.

Свобода выражения мнений

62. Статья 19 Всеобщей декларации прав человека защищает право на свободу выражения мнения. Чтобы ограничения права на свободу выражения мнения были законными, они должны быть предусмотрены законом, применяться только в конкретных обстоятельствах для защиты прав и репутации других лиц или для защиты государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения, а также быть необходимыми и соразмерными. Под соразмерностью следует понимать, в частности, наименее ограничительные средства для достижения любой из вышеперечисленных законных целей.

63. С 1 февраля Государственный административный совет незаконно навязывает народу Мьянмы новые законы, значительно ограничивающие свободу выражения мнений. Еще до переворота несколько законов страны ущемляли право на свободу выражения мнений, и сейчас они используются с угрожающей частотой для оправдания задержаний отдельных лиц.

64. Новые и ранее существовавшие законы не были сформулированы достаточно точно, чтобы люди могли понять, что является законным, а что нет; они слишком расплывчаты и широки, чтобы достичь каких-либо законных целей по ограничению свободы выражения мнения, и они включают несоразмерные тюремные сроки.

Уголовный кодекс

65. Не имея на то полномочий, Государственный административный совет внес в Уголовный кодекс многочисленные поправки, предусматривающие серьезные последствия для любого, кто критикует хунту или высказывает мнения, которые хунта объявила не соответствующими действительности. Хунта внесла изменения в статьи 121, 124 и 505 а) Уголовного кодекса, введя суровые наказания и более длительные сроки тюремного заключения за следующие действия: а) подстрекательство к действиям или действия, направленные против служб обороны или правоохранительных органов (максимальный срок заключения — 20 лет); б) намерение заставить государственного служащего потерять уважение к правительству или препятствовать выполнению его обязанностей (максимальный срок заключения — семь лет); в) сеяние страха или намерение вызвать страх среди группы граждан или среди общественности в целом (максимальный срок заключения — три года); г) распространение ложных новостей или намерение их распространять (максимальный срок заключения — три года); е) совершение уголовного преступления против государственного служащего, намерение его совершить или прямое или косвенное подстрекательство кого-либо к его совершению.

66. Эти новые статьи Уголовного кодекса и поправки к нему подавляют критику в адрес хунты и фактически криминализируют деятельность протестующих. Любой, кто выступает против военной хунты, может быть привлечен к уголовной ответственности. По замыслу изменения в Кодексе будут касаться государственных

⁹ Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений, ст. 2, и <http://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=26842&LangID=E>.

служащих, которые присоединяются к движению гражданского неповиновения, лиц, которые призывает государственных служащих присоединиться к этому движению, и тех, кто оказывает им поддержку.

67. Более того, хунта использует существующие драконовские положения Уголовного кодекса для подавления свободы слова. Например, статья 505 b) Уголовного кодекса предусматривает уголовную ответственность за высказывания, которые могут вызвать «страх или тревогу у населения» или побудить других нарушить «общественное спокойствие». Со времени переворота хунта использовала статью 505 b) для задержания по меньшей мере 45 человек.

Закон об электронных операциях

68. Государственный административный совет представил 9 февраля законопроект о кибербезопасности, который вызвал серьезную критику со стороны поставщиков телекоммуникационных услуг. Вместо того чтобы ввести закон в действие, 15 февраля Совет без предупреждения объявил о незаконных поправках к Закону об электронных операциях 2004 года.

69. Эти поправки касаются проблемных положений законопроекта, направлены на индивидуальных пользователей электронных коммуникаций и еще больше угрожают свободе выражения мнений и праву на частную жизнь жителей Мьянмы. В частности, одна из поправок предусматривает уголовную ответственность за опубликование в Интернете «недостовой информации» (или «ложных сведений») и «дезинформации» (или «фальшивых сведений») с намерением вызвать общественную панику, потерю доверия или социальный раскол, что влечет за собой максимальное наказание в виде трех лет лишения свободы.

70. В этом законе нет определения ключевых терминов «недостовая информация»/«ложные сведения», «дезинформация»/«фальшивые сведения», «общественная паника», «потеря доверия» или «социальный раскол», что оставляет Государственному административному совету право трактовать их по своему усмотрению. Это положение, по сути, может позволить хунте осудить любого, кто пишет или размещает в Интернете информацию, с которой она не согласна или считает ее угрожающей. Закон также предусматривает уголовную ответственность за распространение в Интернете личной информации о других лицах без их согласия, что влечет за собой максимальное наказание в виде трех лет лишения свободы, и за несанкционированный доступ к информации с намерением нанести ущерб международным отношениям, что влечет за собой минимальное наказание в виде трех лет лишения свободы и максимальное — в виде семи лет лишения свободы. В соответствии с двумя последними положениями отдельные лица могут быть подвергнуты уголовному наказанию, например за разглашение информации о предполагаемых нарушениях прав человека сотрудниками сил безопасности Мьянмы или Государственного административного совета или за документирование и распространение среди международного сообщества фактов нарушения прав человека.

71. Закон об электронных операциях предоставляет силам безопасности широкие полномочия по наблюдению и значительные исключения из правил защиты персональных данных, когда они занимаются выявлением, расследованием и систематизацией информации, связанной с вопросами кибербезопасности и киберпреступности, касающимися стабильности, спокойствия и национальной безопасности государства. «Стабильность», «спокойствие» и «национальная безопасность» не определены в этом законе, что оставляет хунте полную свободу действий и полномочия для получения данных о любом человеке в Мьянме по своему усмотрению. Эти положения не требуют ордера и не устанавливают ограничений на объем или тип данных, которые могут собирать силы безопасности, что является нарушением международных законов и стандартов в области прав человека.

Свобода выражения мнений и Интернет

72. Статья 19 Всеобщей декларации прав человека защищает право на свободу выражения мнений, включая право получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ. Государственный административный совет серьезно ограничивает свободу выражения мнений народа Мьянмы и пытается подорвать движение гражданского неповиновения и сорвать поток информации, направляемой гражданскому обществу, путем серии отключений Интернета.

73. Военные начали создавать сбои в электронной передаче данных рано утром 1 февраля в связи с переворотом, и Интернет оставался частично отключенным в течение большей части дня. Последующие директивы Министерства транспорта и связи предписывали провайдером блокировать «Фейсбук», который в Мьянме служит, по сути, Интернетом для большей части населения. В последующие дни были заблокированы и другие платформы социальных сетей, такие как «Инстаграм» и «Твиттер», а хунта приказала отключить Интернет по всей стране.

74. С 15 февраля хунта ввела комендантский час и стала отключать Интернет по всей стране с 1 часа ночи до 9 часов утра ежедневно. Во время этих ночных отключений связь в стране составляет около 12–14 процентов от обычного дневного уровня, хотя некоторые пользователи «Майтел» и отдельных виртуальных частных сетей сообщают о доступе к Интернету. Эти отключения обеспечивают безнаказанность сил безопасности, проводящих аресты и насильственные репрессии в ночное время, и препятствуют законной организации общества. На момент написания настоящего доклада хунта отключила доступ к Интернету по всей стране пятнадцатую ночь подряд. Хотя обычно Интернет полностью восстанавливается после 9 часов утра, дневные ограничения для социальных сетей и некоторых веб-сайтов, таких как «Википедия», продолжают усиливаться.

75. Полные ночные запреты Интернета с целью сорвать движение гражданского неповиновения и скрыть факты незаконных ночных задержаний не являются соразмерными, необходимыми или законными (см. пункт 62, выше).

76. Совет по правам человека заявил, что он безоговорочно осуждает меры по намеренному предотвращению или нарушению доступа к информации или ее распространению в Интернете в нарушение международного права прав человека. Полные запреты хунты на Интернет и свободу выражения мнений требуют такого осуждения.

Свобода прессы

77. Свобода прессы, которая сталкивалась с проблемами до переворота, оказалась под ударом с 1 февраля. Со времени переворота силы безопасности произвольно задержали не менее 30 репортеров. Силы безопасности арестовали 11 февраля журналиста-фрилансера, который с момента ареста содержится под стражей без связи с внешним миром. В ходе инцидента в штате Качин 14 февраля военные задержали пять журналистов из нескольких новостных организаций Мьянмы. Их отпустили на следующий день только после того, как заставили подписать бумагу о том, что они не будут нарушать статью 144 Уголовно-процессуального кодекса. Силы безопасности задержали 26 февраля в Янгоне японского журналиста и отпустили его через несколько часов. Силы безопасности произвольно задержали 1 марта еще одного журналиста.

78. Помимо произвольных задержаний репортеры также сталкиваются с запугиванием и преследованием со стороны должностных лиц и сотрудников в штатском. В Мандалае и Янгоне силы безопасности и поддерживающие военных провокаторы, вооруженные палками и дубинками, нападали на репортеров. В Нейпидо и Янгоне силы безопасности стреляли в демонстрантов резиновыми пулями и боевыми патронами; одному журналисту резиновая пуля попала в спину. Многие репортеры скрываются, находятся под наблюдением хунты или открыто отказываются от репортажей. Аресты, задержания и запугивание журналистов могут привести к серьезному сдерживающему эффекту.

79. Наконец, ограничения хунты на свободу слова и собраний ущемляют права журналистов. Комендантский час с 8 часов вечера до 4 часов утра, введенный в соответствии со статьей 144, ограничивает свободу передвижения репортеров и их возможность освещать ночные аресты. Принудительное отключение Интернета с 1 часа ночи до 9 часов утра, ограничивающее работу «Фейсбук», «Твиттер» и сайтов СМИ, также ограничивает возможности репортеров получать и передавать информацию.

80. Министерство информации издало 11 февраля директиву для журналистов, в которой предупредило, что СМИ не должны называть Государственный административный совет «правительством переворота», «военным правительством» или «военным советом», поскольку Совет законно взял власть. Совет подчеркнул, что вскоре начнет принимать судебные меры против тех, кто продолжает использовать запрещенные слова. Сорок независимых средств массовой информации Мьянмы опубликовали письмо, в котором они отказались выполнять это требование на том основании, что оно нарушает их право на свободное освещение и вещание.

Право на неприкосновенность частной жизни

81. Статья 12 Всеобщей декларации прав человека гласит, что никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную жизнь и семейную жизнь, посягательствам на неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции и что каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или посягательств. Поправками к существующим законам хунта обеспечила себе практически беспрепятственную возможность проводить обыски и конфискации в нарушение права на неприкосновенность частной жизни.

Поправки к Закону о защите частной жизни и безопасности граждан

82. Государственный административный совет без соответствующих полномочий внес 13 февраля поправки в Закон о защите частной жизни и безопасности граждан, удалив ключевые положения, которые теоретически, хотя и не всегда на практике, обеспечивали народу Мьянмы основную защиту от необоснованных обысков, арестов, слежки, произвольного и бессрочного содержания под стражей. Отменив эти меры защиты, хунта предоставила силам безопасности законное право: а) задерживать людей на неопределенный срок без разрешения суда (тем самым приостанавливая действие habeas corpus в Мьянме); b) проникать в частное жилище человека с целью обыска, конфискации или ареста; c) вести наблюдение, шпионаж или расследование в отношении любого гражданина по своему усмотрению; d) перехватывать сообщения; e) требовать или получать от операторов связи персональные данные телефонной и электронной связи; f) вскрывать, изучать, изымать или уничтожать частную корреспонденцию лица; g) вмешиваться в личные или семейные дела лица; и h) изымать или уничтожать имущество лица. Конституция и Уголовно-процессуальный кодекс по-прежнему запрещают многие из этих действий.

Поправки к Закону об управлении городскими и сельскими районами

83. Государственный административный совет внес 13 февраля незаконные поправки в Закон об управлении городскими и сельскими районами, восстановив отмененное правительством Национальной лиги за демократию положение закона, требующее, чтобы люди сообщали о ночующих гостях в администрацию поселка для получения разрешения на их перемещения и посещения. Восстановление этого требования об уведомлении в сочетании с ранее существовавшими полномочиями администраторов поселков проводить обыски в домах для проверки «соблюдения законности и порядка» и поддержания «дисциплины» нарушают право на неприкосновенность частной жизни и предоставляют Административному совету штата широкие полномочия по проведению обысков и конфискации. Кроме того, в результате поправок добавлено положение, позволяющее поселковым должностным лицам чиновникам запрашивать у хунты разрешение на замену избранных городских и сельских администраторов.

Право на свободу мирных собраний и ассоциации

84. Как отмечалось выше, 8 февраля Государственный административный совет издал чрезвычайное распоряжение, запрещающее марши, протесты и собрания пяти и более человек в общественных местах, а также устанавливающее комендантский час с 8 часов вечера до 4 часов утра. Хунта издала приказ в соответствии со статьей 144 Уголовно-процессуального кодекса, которая позволяет судье издавать чрезвычайный приказ, предписывающий любому лицу воздержаться от определенного действия, если судья «считает, что такой приказ может предотвратить или направлен на то, чтобы предотвратить воспрепятствование, создание неудобства или травмирование или риск препятствия, неудобства или травмы для любого законно занятого лица, или опасность для жизни, здоровья или безопасности людей, или нарушение общественного спокойствия, или бунт, или драку». Нарушение приказа карается тюремным заключением на срок до шести месяцев в соответствии со статьей 188 Уголовного кодекса.

85. Чрезвычайно широкий запрет хунты на собрания с участием более пяти человек и ночной комендантский час нарушают право на свободу мирных собраний и ассоциации, закрепленное в статье 20 Всеобщей декларации прав человека.

86. Как и в случае со свободой выражения мнений, хунта использует слишком широкие положения, действовавшие до переворота, для задержания людей в нарушение их права на мирные собрания. С 1 февраля по 25 февраля хунта задержала не менее 15 человек в соответствии со статьей 19 Закона о мирных собраниях и мирных шествиях за проведение акций протеста против военных. Статья 19 предусматривает уголовную ответственность за отсутствие предварительного разрешения на проведение акции протеста, поведение, которое может «разрушить правительство», государственную или частную собственность или загрязнить окружающую среду, а также высказывания или поведение, «затрагивающие интересы страны или Союза, расы или религии, человеческое достоинство и моральные принципы». Эти слишком широкие, неопределенные термины нарушают право на мирные собрания, поскольку они недостаточно точны, чтобы позволить членам мьянманского общества решать, как регулировать свое поведение, и так как законы наделяют неограниченной или широкой свободой действий должностных лиц Мьянмы, которым поручено их исполнение.

87. Хунта еще больше ограничила право на свободу собраний и ассоциации, запретив большинство профсоюзов. Профсоюзы стали важной силой в мобилизации участия рабочих во всеобщей забастовке в рамках движения гражданского неповиновения. Хунта объявила 26 февраля (без надлежащих полномочий) о запрете по меньшей мере 16 профсоюзов за то, что они не были должным образом зарегистрированы в соответствии с Законом об организации труда, и пригрозила им судебным преследованием, если они не будут соблюдать запрет. Специальный докладчик получил многочисленные сообщения о том, что профсоюзные лидеры скрываются, а полиция и военные проводят поквартирные обыски в их домах и местах проживания.

V. Вооруженный конфликт, защита гражданских лиц и перемещение населения после переворота

88. Специальный докладчик получил достоверные сообщения о столкновениях между армией Мьянмы и этническими вооруженными организациями, а также о ежедневных минометных и ружейных обстрелах этнических меньшинств со стороны армии Мьянмы в штатах Кайин, Шан и Качин. Руководящая группа по мирному процессу, в которую входят 10 этнических вооруженных организаций, подписавших Общенациональное соглашение о прекращении огня, опубликовала 20 февраля заявление, в котором коллективно осудила переворот, призвала к освобождению гражданских лидеров и объявила о приостановке любого политического диалога с вооруженными силами Мьянмы.

89. Со времени переворота армия Мьянмы усилила нападения на населенные мирным населением районы в деревнях штата Кайин, и за несколько недель до и после переворота в результате нападений были насильственно перемещены более 7000 мирных жителей, включая примерно 5000 человек в поселках Бутхоу, Двелоу и Лутоу округа Папун и 1500 человек в поселках Моне, Лердоу и Няунлебин. Со времени переворота в результате нападений мьянманских военных были вынуждены покинуть свои дома примерно 3500 мирных жителей народности кайин. По сообщениям, частые обстрелы и угроза использования на принудительных работах заставили мирных жителей бежать. Специальный докладчик получил сообщения о том, что военные Мьянмы наращивают свое присутствие и припасы в этом районе, при этом более 100 грузовиков с припасами прибыли в северную часть штата Кайин.

90. После переворота Специальный докладчик получил информацию о вооруженных столкновениях в нескольких населенных пунктах в штате Шан, включая Чаукме, Хсипоу, Мусе и Намту. В результате боевых действий с 1 февраля еще 2290 человек стали перемещенными лицами. К этим боевым действиям относятся столкновения между вооруженными силами Мьянмы и Советом по восстановлению штата Шан/Армией штата Шан в поселке Хсипоу, столкновения между вооруженными силами Мьянмы и Партией прогресса штата Шан/Армией штата Шан в поселке Мусе и между Советом по восстановлению штата Шан/Армией штата Шан и союзными силами Партии прогресса штата Шан/Армией штата Шан и Национально-освободительной армией Та'анг в поселках Хсипоу, Намту и Чаукме. Во время боев в Чаукме 15 февраля в одной деревне упал снаряд, убив одну женщину, которая была на восьмом месяце беременности, и одного мужчину, а также ранив еще шесть гражданских лиц.

91. В результате боевых действий между вооруженными силами Мьянмы и армией Национально-демократического альянса Мьянмы в поселках Лашиоу и Лауккаин на севере штата Шан 5 февраля погибли девять мирных жителей и еще восемь, включая детей, получили ранения.

92. По сообщениям, после переворота военные Мьянмы неоднократно нападали на Армию за независимость качинов — которая так и не подписала Национальное соглашение о прекращении огня — в поселке Мусе на севере штата Шан. Специальный докладчик получил сообщения о боевых действиях, включая минометный обстрел и наземное наступление, предпринятые армией Мьянмы, в том числе 99-й легкой пехотной дивизией, 10, 21 и 22 и 26 февраля. По сообщениям, 21 февраля в поселке Мусе был убит осколками мины один мужчина.

93. Общины в штате Ракхайн сообщили об обеспокоенности по поводу насилия, связанного с общенациональными протестами, поскольку небольшие протесты в поддержку переворота, как сообщается, проводились в Ситтве, а небольшие протесты против переворота, по сообщениям, проводились в Анне, Тандве, Таунгупе и других местах. В начале февраля 2021 года представители вооруженных сил Мьянмы посетили лагерь для интернированных в поселке Ситтве, где с 2012 года власти содержат более 125 000 мирных жителей рохинджа. Представители военных встретились с комитетами по управлению лагерями и проинструктировали их, чтобы они сообщили внутренне перемещенным лицам, что они не должны участвовать в каких-либо протестах, а если они это сделают, то против них будут приняты меры. Военные также проинструктировали комитеты по управлению лагерями в Ситтве, чтобы те обеспечили соблюдение режима полной самоизоляции в связи с COVID-19 и предотвращали доступ посторонних в лагерь.

94. Араканская армия не заняла публичной позиции по поводу переворота. После почти двух лет вооруженного конфликта между Араканской армией и вооруженными силами Мьянмы боевые действия между армиями в основном прекратились после всеобщих выборов 8 ноября 2020 года. Тем не менее инциденты с жертвами среди гражданского населения, в частности гибелью и ранениями в результате взрыва наземных мин, продолжались. В результате детонации неразорвавшегося боеприпаса 4 февраля в поселке Бутидоун погиб 14-летний мальчик и еще два мальчика получили ранения, а 17 февраля, по сообщениям, в результате взрыва наземной мины в поселке Анн был ранен мужчина.

95. По состоянию на 7 февраля более 101 000 человек оставались перемещенными лицами в штатах Ракхайн и Чин в результате боевых действий между вооруженными силами Мьянмы и Араканской армией. К чуть более 24 000 из них невозможно получить доступ из-за ограничений в отношении безопасности и доступа. Учитывая длительное затишье в конфликте с начала ноября, гуманитарные партнеры изучают возможности получения доступа к ним.

96. Объединенная армия области Ва — крупнейшая этническая вооруженная организация в стране — хранит полное молчание во время нынешнего кризиса.

VI. Последствия для гуманитарного доступа

97. Военный переворот во многих отношениях препятствовал доставке гуманитарной помощи в этнические штаты. На момент написания настоящего доклада военные еще не издали новых инструкций или дополнительных требований в отношении гуманитарного доступа. Однако прежние проблемы с доступом продолжают существовать.

98. Гуманитарная помощь перемещенным лицам в штате Кайин оказывается в основном местными поставщиками, и Специальный докладчик получил информацию о том, что поставщики услуг нуждаются в большей материально-технической поддержке, особенно в преддверии ожидаемого наступления мьянманских военных на деревни в Кайине.

99. Большая часть гуманитарной помощи в зонах конфликта в северной части штата Шан доставляется национальными неправительственными организациями и организациями гражданского общества. Неотложная помощь продолжает оказываться в основном местными партнерами в рамках мер реагирования на новые перемещения населения, вызванные столкновениями между вооруженными силами Мьянмы и этническими вооруженными организациями. Однако некоторые сотрудники гуманитарных организаций сообщают о трудностях со снятием наличных денег в банках для обеспечения денежных переводов новым внутренне перемещенным лицам.

100. В штате Качин большинство гуманитарных организаций временно ограничили очные мероприятия после переворота. Сотрудники гуманитарных организаций также сообщают о трудностях с получением доступа к наличным деньгам в банках, а медленная или прерывистая связь — телефон и Интернет — препятствует удаленному управлению деятельностью. Существуют опасения, что доступ в районы, не контролируемые правительством, будет еще более ограничен и, возможно, полностью заблокирован.

101. Некоторые организации смогли поддерживать связь в зонах своей ответственности, в том числе в штатах Ракхайн, Чин, Кая и Кайин, а также в регионах Баго и Танинтайи. Гуманитарные работники добились этого с помощью ранее созданных механизмов защиты на уровне общин, а также с помощью гуманитарных партнеров, присутствующих в сельских районах, лагерях для внутренне перемещенных лиц и местах перемещения.

102. В штате Ракхайн гуманитарные организации постепенно возобновили оказание жизненно важной помощи мирным жителям из числа рохинджа, ракхайнов и чинов после короткого периода «выжидания». Одними из первых возобновили оказание услуг партнеры в области продовольствия и здравоохранения. И без того обременительный процесс получения разрешения на поездки сохраняется, и партнеры ожидают задержек после переворота.

103. Несколько гуманитарных организаций гражданского общества в штате Ракхайн сообщили о приостановке своей программной деятельности для оценки рисков и обеспечения безопасности своего персонала после переворота. После начала пандемии COVID-19 международные гуманитарные партнеры переложили большую ответственность на национальных партнеров и организации гражданского общества. Национальные работники гуманитарных организаций и организации гражданского общества будут в большей степени подвержены рискам.

104. К движению присоединились государственные служащие ключевых государственных ведомств и министерств, замедля административные процессы, включая рассмотрение разрешений на поездки, выдачу виз и разрешений на въезд, а также утверждение списков пассажиров рейсов, выполняемых для оказания помощи. Министерство здравоохранения и спорта и многие больницы работают в условиях ограниченного штата сотрудников. Перебои в банковском секторе также привели к кризису ликвидности для операций и программ организаций.

VII. Последствия для осуществления права на возвращение

105. На двадцать девятой специальной сессии Совета по правам человека, состоявшейся 12 февраля, хунта заявила, что будет продолжать усилия по репатриации рохинджа из Бангладеш и что она будет «незамедлительно» добиваться возвращения внутренне перемещенных рохинджа в центральный штат Ракхайн. На самом деле гражданские лица из числа этнических рохинджа, перемещенные в результате массовых злодеяний в 2012, 2016 и 2017 годах, похоже, не приблизились к возвращению домой, чтобы восстановить свою жизнь. То же самое можно сказать о гражданских лицах из Ракхайна и Чина, перемещенных в последние годы в результате вооруженного конфликта. Более того, быстрая репатриация рохинджа в штат Ракхайн в нынешних условиях, скорее всего, не будет соответствовать принципам безопасного, достойного, добровольного и устойчивого возвращения.

106. По сообщениям, хунта планирует закрыть лагеря для внутренне перемещенных лиц в штате Ракхайн, начиная с Чаук Та Лоуне, который уже давно планировалось закрыть. Это закрытие не соответствует международным стандартам, поскольку оно не позволит внутренне перемещенным лицам вернуться в свои дома или места происхождения. Скорее, власти просто переселят жителей в жилье на том же месте, запретив им работать.

VIII. Международная реакция на переворот

A. Государства-члены и международные организации

107. Многие страны и международные организации категорически осудили переворот, хотя лишь ограниченное число предприняло конкретные шаги по оказанию давления на военную хунту и ее экономические интересы¹⁰. Канада, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Соединенные Штаты Америки ввели первоначальные санкции в отношении нынешних и бывших военных должностных лиц, непосредственно ответственных за переворот или связанных с хунтой, например должностных лиц, входящих в Государственный административный совет. Новая Зеландия приостановила политическое и военное взаимодействие с Мьянмой на высоком уровне. На момент написания настоящего доклада Европейский союз объявил, что готов ввести санкции, но еще не сделал этого.

108. По состоянию на 2 марта экономические интересы военных оставались практически без внимания со стороны государств-членов, за исключением того, что Соединенные Штаты выбрали в качестве цели две дочерние компании горнодобывающей промышленности, принадлежащие военному конгломерату «Мьянмар экономик холдингс лимитед», и заблокировали доступ к государственным фондам Мьянмы, хранящимся в Соединенных Штатах, на сумму 1 млрд долларов. Соединенное Королевство объявило о том, что временно приостанавливает все мероприятия по стимулированию, нацеленные на сферу торговли с Мьянмой, пока не начнет пересмотр своего подхода к торговле и инвестициям в эту страну. Государства-члены также начали изучать свои программы обучения и проекты развития в Мьянме, чтобы определить истинных бенефициаров. Новая Зеландия, Соединенное

¹⁰ В приложении I представлена диаграмма, в которой показаны экономические санкции государств-членов и приостановление помощи после переворота.

Королевство, Соединенные Штаты и Швейцария либо приостановили, либо перенаправили финансирование, чтобы обеспечить получение помощи гражданским обществом, а Европейский союз приостановил свою программу подготовки полицейских, которая действовала с 2016 года. Норвегия заморозила свою двустороннюю помощь Мьянме в размере около 8 млн долл. на 2021 год. Япония также рассматривает возможность приостановки помощи на цели развития.

109. Группа Всемирного банка объявила, что она приостановила выплаты по своим операциям в Мьянме и вводит усиленный мониторинг уже реализуемых проектов¹¹.

110. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии 1 февраля опубликовала совместное заявление, в котором призвала «продолжать усилия по ведению диалога, примирению и возвращению к нормальной жизни в соответствии с волей и интересами народа Мьянмы»¹². Она подтвердила 2 марта свою позицию, а Малайзия отдельно призвала к «скорейшему и безоговорочному освобождению политических лидеров», включая Аун Сан Су Чжи и Вин Мьина¹³. Министерство иностранных дел Сингапура назвало насилие сил безопасности в отношении безоружных гражданских лиц «непростительным» и отметило, что «если ситуация продолжит обостряться¹⁴, это будет иметь серьезные негативные последствия для Мьянмы и всего региона». Таиланд принял 24 февраля назначенного военными министра иностранных дел, который провел встречи с министром иностранных дел и премьер-министром Таиланда, что стало первым зарубежным мероприятием хунты после переворота. Министр иностранных дел Индонезии также встретила с представителем хунты в Таиланде. Она подтвердила намерение Индонезии общаться со всеми сторонами, включая Комитет, представляющий Ассамблею Союза (Pyidaungsu Hluttaw)¹⁵.

В. Международное деловое сообщество

111. Движение гражданского неповиновения и международные правозащитные организации инициировали международные кампании за введение санкций против Государственного административного совета и вооруженных сил Мьянмы и их деловых интересов. Большинство организаций призывают к тому, чтобы санкции были разработаны таким образом, чтобы оказать максимальное воздействие на хунту и ее экономические интересы и при этом минимальное воздействие на народ Мьянмы, в том числе в отношении доступа к продовольствию, воде, одежде и медицинской помощи. До переворота независимая международная миссия по установлению фактов относительно Мьянмы однозначно заключила, что ведение бизнеса с вооруженными силами Мьянмы или любыми связанными с ними предприятиями несовместимо с защитой и поощрением прав человека.

112. Все большее число международных компаний объявляют о серьезных изменениях в своей деятельности в Мьянме после переворота¹⁶. Компания «Кириин холдингс», партнер компании «Мьянмар экономик холдингс лимитед» по совместным предприятиям, объявила о планах по прекращению деятельности совместных предприятий. Компания «ТРД Сингапур», продающая оборудование для борьбы с беспилотниками, отменила предстоящие продажи в Мьянму и объявила, что больше

¹¹ “Developments in Myanmar”, statement, 19 February 2021. URL:

<http://www.worldbank.org/en/news/statement/2021/02/01/developments-in-myanmar>.

¹² URL: <https://asean.org/asean-chairmans-statement-developments-republic-union-myanmar/>.

¹³ См. <https://asean.org/storage/FINAL-Chairmans-Statement-on-the-IAMM.pdf> и http://www.pmo.gov.my/wp-content/uploads/2021/03/YAB-PM-MEDIA-STATEMENT_MYANMAR.pdf.

¹⁴ “MFA spokesperson’s comments on the situation in Myanmar”, 20 February 2021. URL:

<http://www.mfa.gov.sg/Newsroom/Press-Statements-Transcripts-and-Photos/2021/02/20210220-mfa-spokesperson-comment-myanmar>.

¹⁵ “Press briefing on the outcome of the visit to Bangkok”, 24 February 2021. URL:

<https://kemlu.go.id/portal/en/read/2192/berita/minister-for-foreign-affairs-of-indonesia-press-briefing-on-the-outcome-of-the-visit-to-bangkok>.

¹⁶ В приложении II приведена диаграмма, отражающая отказ частных лиц и международных компаний от участия в бизнесе, связанном с военными действиями, после переворота.

не будет поставлять военным продукцию для борьбы с беспилотниками. Фирма по связям с общественностью «Веро», работающая во Вьетнаме, Индонезии, Мьянме и Таиланде, подтвердила, что больше не будет представлять компании, принадлежащие военным. Компания «Кореан эйр карго» переедет из принадлежащего компании «Мьянмар экономик холдингс лимитед» комплекса «Мьявади бэнк лакшари комплекс» в новое место. Компания «Пума энерджи», управляющая крупнейшим в Мьянме терминалом по импорту топлива и совместным с государственным предприятием «Мьянмар петролеум продактс энтерпрайз» предприятием по производству авиатоплива, приостановила все операции, сославшись на соображения безопасности. Австралийская компания «Вудсайд петролеум» объявила о демобилизации своих буровых бригад в Мьянме, первоначально назвав переворот «переходной проблемой»¹⁷. Другие компании, такие как кампания по производству стали из Республики Корея «Поско интернэшнл», у которой есть совместное предприятие с «Мьянмар экономик холдингс лимитед», выразили обеспокоенность и рассматривают возможность последовать примеру «Кирин холдингс»¹⁸.

113. Сеть «Фейсбук» предприняла шаги по ограничению распространения контента военными, запретив все государственные СМИ, вооруженные силы Мьянмы и контролируемые военными страницы как в «Фейсбук», так и в «Инстаграм», а также платную рекламу предприятий, связанных с военными. Однако запрет не распространяется на страницы компаний, связанных с вооруженными силами.

IX. Выводы и рекомендации

A. Выводы

114. Народ Мьянмы переживает незаконное свержение своего правительства и жестокие репрессии со стороны военного авторитарного режима. Но неоднородные общественные слои поднялись против этого в едином мощном порыве. Ненасильственное движение гражданского неповиновения оказалось весьма эффективным, черпая свою органическую силу в непоколебимых и демократических желаниях народа. Действительно, Мьянма, кажется, никогда еще не была так едина.

115. Хотя будущее Мьянмы будет определять ее народ, международное сообщество должно действовать безотлагательно и решительно, чтобы поддержать его. На карту поставлено очень многое. Специальный докладчик надеется, что международное сообщество окажется на высоте этого исторического момента, следуя примеру и вдохновению народа Мьянмы, и что справедливость, достоинство и права человека восторжествуют.

B. Рекомендации

116. Специальный докладчик рекомендует военной хунте:

- a) прекратить применение чрезмерной и смертоносной силы против народа Мьянмы;
- b) уважать право народа Мьянмы на свободу мирных собраний и ассоциации;
- c) отказаться от власти, которую она захватила в результате незаконного переворота;

¹⁷ Sonali Paul, “Australia’s Woodside CEO says Myanmar coup won’t affect exploration plans”, Reuters, 19 February 2021.

¹⁸ Business & Human Rights Resource Centre, “Posco’s response”, 15 February 2021. URL: <http://www.business-humanrights.org/en/latest-news/poscos-response/>.

d) безоговорочно освободить всех, кто был незаконно задержан; прекратить преследования и привлечение к уголовной ответственности граждан Мьянмы за осуществление ими своих прав человека; и обеспечить возможность созыва законного, демократически избранного парламента и формирования правительства;

e) предоставить немедленный, безопасный и беспрепятственный доступ поставщикам гуманитарной помощи и помощи в целях развития ко всем нуждающимся общинам и позволить всему народу Мьянмы, включая этнические меньшинства, передвигаться без ненужных ограничений, включая беспрепятственный доступ к услугам и средствам к существованию;

f) предоставить беспрепятственный доступ наблюдателям за соблюдением прав человека, включая Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека, Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Мьянме и Специального посланника Генерального секретаря по Мьянме;

g) окончательно положить конец преследованиям журналистов, правозащитников и других лиц, осуществляющих свое право на свободу выражения мнений, и освободить всех лиц, содержащихся под стражей за законную деятельность. Снять все политически мотивированные обвинения, противоречащие правам человека, включая право на свободу выражения мнений, мирных собраний и ассоциации. Обеспечить возмещение любого психологического или физического вреда, причиненного этим лицам.

117. Специальный докладчик рекомендует вооруженным силам и этническим вооруженным организациям Мьянмы:

a) прекратить развертывание военных сил в спорных районах и соблюдать общенациональное прекращение огня;

b) прекратить нарушения в отношении гражданских лиц, включая целенаправленные и неизбирательные убийства, изнасилования, поджоги, принудительное перемещение, принудительный труд и нанесение ущерба гражданским объектам и невоенным объектам;

c) гарантировать полный доступ гуманитарным организациям, оказывающим жизненно важную помощь нуждающимся; создать более предсказуемый и эффективный механизм выдачи разрешений на поездки для сотрудников гуманитарных организаций; и позволить средствам массовой информации и наблюдателям за соблюдением прав человека иметь свободный доступ в районы, затронутые конфликтом и насилием, и сообщать об установленных ими фактах.

118. Специальный докладчик рекомендует Организации Объединенных Наций:

a) срочно созвать Совет Безопасности для оценки ситуации в Мьянме, включая эскалацию насилия со стороны полиции и сил безопасности против народа Мьянмы, и использовать свои полномочия в соответствии с главой VII Устава Организации Объединенных Наций, чтобы:

i) ввести глобальное эмбарго на поставки оружия;

ii) ввести адресные экономические санкции против вооруженных сил Мьянмы и источников их доходов;

iii) передать ситуацию в Мьянме на рассмотрение в Международный уголовный суд для расследования имевших место злодеяний, включая геноцид, военные преступления и преступления против человечности, и, возможно, судебного преследования виновных;

b) отказаться признавать военную хунту законным правительством, представляющим народ Мьянмы.

119. **Специальный докладчик рекомендует государствам-членам:**

а) **установить многосторонний, скоординированный режим экономических санкций, в рамках которого страны согласятся ввести адресные санкции как в отношении старших руководителей хунты и их соратников, так и в отношении их источников финансирования, в том числе против предприятий, принадлежащих военным, и Нефтегазового предприятия Мьянмы, которое в настоящее время контролируется военной хунтой и представляет собой единственный крупнейший источник доходов государства;**

б) **использовать внутренние органы по борьбе с отмыванием денег и другие финансовые органы по мере необходимости для блокирования или замораживания всех зарубежных счетов всех субъектов государства до восстановления законного правительства, чтобы гарантировать, что хунта не будет отвлекать государственные средства Мьянмы;**

в) **присоединиться к 41 стране, которая уже ввела эмбарго на поставки оружия военным Мьянмы;**

г) **использовать все свое влияние, чтобы побудить государства, в которых не введено эмбарго на поставки оружия в Мьянму, ввести его, и рассмотреть варианты привлечения к ответственности тех, кто продолжает разрешать такие продажи;**

д) **обеспечить, чтобы страны не участвовали в незаконной перепродаже оружия, в том числе технологий двойного назначения, хунте;**

е) **отказаться признавать военную хунту законным правительством, представляющим народ Мьянмы.**

120. **Специальный докладчик рекомендует, чтобы гуманитарные доноры и доноры, занимающиеся вопросами развития, включая Организацию Объединенных Наций, международные банки развития, государства-члены и организации гражданского общества, работали напрямую с местным гражданским обществом и организациями по оказанию помощи, когда это возможно, для оказания непосредственной поддержки населению, а не действовали через централизованные механизмы, которые в настоящее время контролируются хунтой.**

Annex I

Member States imposition of economic sanctions and suspension of aid to Myanmar since the coup (as of 1 March 2021)

No.	Country or union	Actions
1	Canada	Imposed sanctions against nine military officials, bringing the total number of individuals sanctioned by Canada to 54. The previous trade embargo on arms, related material, and technical and financial assistance still stands. ¹
2	European Union	Has announced it is ready to adopt sanctions targeting those directly responsible for the coup and their economic interests. Suspended the Mypol program, ² which has trained and equipped Myanmar's military-controlled police since 2016, ³ as well as the EU-funded Myanmar Sustainable Aquaculture Program. ⁴
4	New Zealand	Suspended all high-level political and military contact with Myanmar. All current and future aid programs will not include projects that are delivered with, or benefit, the military. A travel ban on military leaders is also in the works. ⁵
5	Switzerland	Temporarily suspended aid payments to investigate if their projects are managed by the military or benefit it in any way. ⁶
6	United Kingdom	Imposed sanctions against nine military officials, bringing the total number of individuals sanctioned by the United Kingdom to 23. ⁷ The UK suspended all aid directly or indirectly involving the Myanmar government and will temporarily suspend all trade promotion with Myanmar as it launches a trade and investment review. ⁸
7	United States	Designated 12 individuals responsible for the coup and or associated with the military regime. These former and current military officials along with three military-owned subsidiaries are under sanctions. ⁹ USAID redirected US \$42 million of assistance away from projects that would have benefited the Myanmar government to civil society. ¹⁰ Blocked access to ~\$1 billion in Myanmar government funds held in the United States.

¹ "Canada imposes sanctions on Myanmar military officials in response to coup d'état," Government of Canada, 18 February 2021, <https://www.canada.ca/en/global-affairs/news/2021/02/canada-imposes-sanctions-on-myanmar-military-officials-in-response-to-coup-detat.html>.

² "EU Statement on MYPOL," MYPOL, 18 February 2021, <http://www.mypol.eu/eu-statement-on-mypol/>.

³ "EU suspends training of military-controlled Myanmar police force," Burma Campaign UK, 7 February 2021, <https://burmacampaign.org.uk/eu-suspends-training-of-military-controlled-myanmar-police-force/>.

⁴ "EU-funded MYSAP aquaculture program suspended following Myanmar coup," *Seafood Source*, 18 February 2021, <https://www.seafoodsource.com/news/aquaculture/eu-funded-mysap-aquaculture-program-suspended-following-myanmar-coup>.

⁵ "New Zealand takes measures against Myanmar following military coup," Government of New Zealand, 9 February 2021, <https://www.beehive.govt.nz/release/new-zealand-takes-measures-against-myanmar-following-military-coup>.

⁶ "Switzerland temporarily suspends aid payments to Myanmar," *Swiss Info*, 18 February 2021, <https://www.swissinfo.ch/eng/switzerland-temporarily-suspends-aid-payments-to-myanmar/46381184>.

-
- ⁷ “Consolidated List of Financial Sanctions Targets in the UK,” Office of Financial Sanctions Implementation, 25 February 2021, https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/964719/Burma.pdf.
- ⁸ “UK sanctions further Myanmar military figures for role in coup,” Government of the United Kingdom, 25 February 2021, <https://www.gov.uk/government/news/uk-sanctions-further-myanmar-military-figures-for-role-in-coup-february-25-2021>.
- ⁹ “United States Targets Leaders of Burma’s Military Coup Under New Executive Order,” US Department of Treasury, 11 February 2021, <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0024>.
- ¹⁰ “USAID Immediately Redirects \$42 Million in Response to the Military Coup in Burma,” USAID, 11 February 2021, <https://www.usaid.gov/news-information/press-releases/feb-11-2021-usaid-immediately-redirects-42-million-response-military-coup-burma>.

Annex II

Non-exhaustive list of individuals and international companies disengaging from Myanmar and from military-affiliated enterprises since the coup

<i>No.</i>	<i>Company or individual</i>	<i>Country</i>	<i>Background</i>	<i>Action</i>
1	Axiata Group	Malaysia	Subsidiary edotco Group owns 3,150 towers in Myanmar, some of which are leased to MEC-owned Mytel. ¹	Axiata put off plans to sell US \$500 million stake in edotco. ²
2	Coda Pay	Singapore	Provided cardless payment services to Mytel.	Coda removed Mytel from its portfolio of payment channels. ³
3	HAECO Xiamen	Hong Kong, China	Signed a US \$4.8 million contract with Aero Sofi Co. Ltd. for VIP luxury refurbishment of an Airbus A319-112 once used by Myanmar Airways International. ⁴	After the coup, HAECO informed OCCRP that the contract had been terminated in January 2021. ⁵
4	Kirin Holdings	Japan	Joint venture partner in Mandalay Brewery and Myanmar Brewery with MEHL.	Kirin will terminate both ventures by the spring or within a year. ⁶
5	Korean Air Cargo	South Korea	Rented office in Myawaddy Bank Luxury Complex, which is owned by MEHL. ⁷	Korean Air will move its office to a new location. ⁸
6	Lim Kaling	Singapore	Owned a one-third stake in RMH Singapore Pte. Ltd., which operates joint venture Virginia Tobacco Company with MEHL.	Decided to dispose of his stock in the company and exit the investment in response to the coup. ⁹
7	Posco International	South Korea	Joint ventures partner with MEHL in Myanmar Posco C&C Company Ltd. and Myanmar Posco Steel Company Ltd.	Posco has suspended dividends until MEHL proves previous dividends were not used for purposes that violated human rights. If proven otherwise, Posco will consider a thorough review its joint ventures and might follow the precedent of Kirin Holdings. ¹⁰
8	Transworld Group Singapore	Singapore	Used Ahlone International Port Terminal 1, which is owned by MEC.	Transworld Group will no longer use military-owned ports in Yangon. ¹¹
9	TRD Singapore	Singapore	Sold Orion-7 drone signal disruptor to the Myanmar police.	TRD Singapore cancelled a deal to sell anti-drone products to Yangon International Airport and will not supply Myanmar with anti-drone products while under the regime. ¹²

No.	Company or individual	Country	Background	Action
10	Vero	Thailand, Vietnam, Myanmar, Indonesia	Public relations firm.	Vero will no longer represent military-owned companies. ¹³
11	Woodside Petroleum	Australia	Has one of the largest offshore petroleum acreage holdings in Myanmar. Partners with Total and MRPL E&P in a joint venture developing A-6, Myanmar's first ultra-deepwater gas project.	Woodside will de-mobilize its entire offshore exploration drilling team and halt any business decisions until the situation has improved. ¹⁴

- ¹ "Nodes of Corruption, Lines of Abuse," Justice For Myanmar, 20 December 2020, https://jfm-files.s3.us-east-2.amazonaws.com/public/JFM_Nodes_of_Corruption_high_res.pdf.
- ² "Myanmar's Axiata Group shelves plans for sale of stake in tower unit," *Reuters*, 25 February 2020, <https://www.reuters.com/article/axiata-results/malaysias-axiata-group-shelves-plans-for-sale-of-stake-in-tower-unit-idUSL1N2KV0FB>.
- ³ "Coda Pay Removed From 'Dirty List,'" Burma Campaign UK, 2 March 2021, <https://burmacampaign.org.uk/coda-pay-removed-from-dirty-list/>.
- ⁴ "Myanmar military Airbus deals for troop transport and luxury travel," Justice For Myanmar, 8 December 2020, <https://www.justiceformyanmar.org/stories/a-dangerous-use-of-public-funds-myanmar-military-airbus-deals-for-troop-transport-and-luxury-travel>.
- ⁵ "Hong Kong Firm Cancels Contract with Myanmar Military After OCCRP Investigation," Organized Crime and Corruption Reporting Project, 10 February 2021, <https://www.occrp.org/en/37-ccbblog/ccbblog/13827-hong-kong-firm-cancels-contract-with-myanmar-military-after-occrp-investigation>.
- ⁶ "Statement on the situation in Myanmar," Kirin Holdings, 5 February 2021, https://www.kirinholdings.co.jp/english/news/2021/0204_01.html.
- ⁷ Sales office address listed as Room No. 601 & 603, 6th Floor, Tower-B, Myawaddy Bank Luxury Complex, No.151, Wardan Street, Corner of Bogyoke Aung San Road, Lanmadaw Township, Yangon, Myanmar, https://cargo.koreanair.com/Branch-Details?airport_code=RGN.
- ⁸ "Korean Air to move Yangon office from military-owned offices," Burma Campaign UK, 16 February 2021, <https://burmacampaign.org.uk/korean-air-to-move-yangon-office-from-military-owned-offices/>.
- ⁹ "Statement by Mr. Lim Kaling on the Situation in Myanmar," Justice For Myanmar, 9 February 2021, <https://twitter.com/JusticeMyanmar/status/1358922269024681984?s=20>.
- ¹⁰ "Posco's Response," Business & Human Rights Resource Center, 15 February 2021, <https://www.business-humanrights.org/en/latest-news/poscos-response/>.
- ¹¹ "Transworld removed from 'Dirty List,'" Burma Campaign UK, 23 February 2021, <https://burmacampaign.org.uk/transworld-removed-from-dirty-list-will-no-longer-use-military-ports/>.
- ¹² "Singapore anti-drone firm cuts Myanmar ties after coup," *Reuters*, 19 February 2021, <https://www.reuters.com/article/us-myanmar-politics-singapore/singapore-anti-drone-firm-cuts-myanmar-ties-after-coup-idUSKBN2AJ0XF?il=0>.
- ¹³ "PR firms distance themselves from military as brands navigate Myanmar coup," *Provoke Media*, 5 February 2021, <https://www.provokemedia.com/latest/article/pr-firms-distance-themselves-from-military-as-brands-navigate-myanmar-coup>.
- ¹⁴ "Woodside statement on Myanmar," Woodside Australia, <https://www.woodside.com.au/what-we-do/international-developments-marketing-and-exploration/myanmar>.

Annex III

The Situation of Human Rights in Myanmar in 2020 and Up to the Coup d'état

Introduction

1. This report is submitted as an annex to the Special Rapporteur's main report. In this annex, the Special Rapporteur reflects on the human rights situation in 2020 and up to the military coup in Myanmar. If not for the coup d'état on 1 February, this annex would have reflected the main components of the Special Rapporteur's report to the Human Rights Council and recommendations to the Myanmar government, Ethnic Armed Organizations, and the International Community.
2. This annex also addresses the Special Rapporteurs mandate of conducting thematic research to assess compliance with the Independent International Fact-Finding Mission on Myanmar's recommendations. For purposes of this annex, the Special Rapporteur examines the extent to which international businesses and member states heeded the call to end business interests with Myanmar military-owned enterprises and to cease arms transfers to the military. See appendix I for charts summarizing the findings.

I. Democratic space prior to the military coup

General elections

3. On 8 November 2020, Myanmar held multi-party elections. Those deemed eligible to vote could choose candidates from a wide spectrum of political parties in addition to the ruling National League for Democracy (NLD) and the Myanmar military-affiliated Union Solidarity and Development Party (USDP). Since 2015, the political landscape has developed with new political parties and merged ethnic parties competing in elections. The ruling NLD party had a decisive electoral victory, winning 71 percent of seats in both upper (Amyotha) and lower (Pyithu) houses of Parliament. This margin provided the NLD with a more than two-thirds majority in the Union Assembly (Pyidaungsu Hluttaw). Had the parliament been allowed to convene, the NLD would have had a greater capacity than in the previous parliament to pass new legislation that would meet the commitment that was made during the second Universal Periodic Review (UPR) cycle (the third cycle), to bring all relevant statutes in line with Myanmar's international human rights obligations.¹
4. Although the general elections represented an important (and necessary) step in Myanmar's transition to a federal democracy, they were not flawless. The right to vote should extend to all regardless of ethnicity, race, and religion. Unfortunately, nearly the entire Rohingya community was disenfranchised.
5. Political party candidates were unable to engage in typical campaign activities due to COVID-19 restrictions. These restrictions presented the greatest challenge for new candidates who were seeking to introduce themselves to voters. Political parties and candidates with greater financial resources and presence on social media outpaced those with more limited resources. While the UEC provided political parties and candidates with access to state TV, only UEC-approved messaging was allowed to be broadcasted. During the campaign period, the Commission reportedly deleted parts of the speeches provided by at least two political parties, including a speech which reportedly contained reference to a UNICEF report on child poverty. Several candidates refused to participate under these conditions. This created a significant disadvantage for lesser-known candidates and political parties.

6. Additionally, out of seven Rohingya candidates who submitted nominations, only one Rohingya candidate in Yangon Region was permitted to stand for the 2020 election and no Rohingya could run in Rakhine State after all six candidates' nominations were rejected, despite appeals to the UEC. The rejections appear to have been undertaken in a discriminatory manner based on ethnicity, where the candidates were reportedly subjected to stricter conditions and burden of proof than other candidates.

7. The absence of any Rohingya electoral candidates in Rakhine State and use of the term "Bengali" or "Kalar," especially on social media during election campaigns, further perpetuated a hostile environment and discrimination against them. Two Muslim NLD candidates were elected to the Pyithu Hluttaw. The Special Rapporteur notes that this was a slight improvement from 2015 where no Muslim candidates contested the elections. He welcomed reports that the NLD resisted calls to replace Muslim candidates with Buddhists. When democracy is restored, he will urge the NLD to intensify efforts to ensure that Muslims and Rohingya, and all members of religious minorities in Myanmar, can freely enjoy their civil and political rights without discrimination or harassment.

8. Although there were more female candidates in 2020 compared to 2010, the proportion in this election remained at a low 16 percent.¹ This represents a significant underrepresentation of women. Temporary special measures are therefore required to ensure that Myanmar allows for a 30 percent "critical mass" of women parliamentarians in line with recommendations by the Committee on the Elimination of Discrimination against Women.¹ Furthermore, the Myanmar military has not appointed any women to the unelected seats in the parliament that the constitution sets aside exclusively for the military. This means that women would need to win almost half of the seats elected democratically to reach this standard. Additionally, the UEC had no serving female commissioners or female staff in senior positions in its secretariat. Several political parties reportedly decided to implement special measures in the absence of a normative framework at the Union level and nominated several female candidates for lower house positions.¹ This is a notable step forward and underscores the need for similar measures to ensure full participation and representation of women.

9. Persons with disabilities faced widespread discrimination in the elections. Less than a third of all polling stations in Myanmar were reportedly accessible to persons with disabilities, for example, and there is no evidence that any form of accommodation was otherwise made. A comprehensive review and assessment of obstacles to the enfranchisement of persons with disabilities should be made in close consultation with persons with disabilities and organizations of persons with disabilities. This should include the right to vote, the right to seek political office, and the right to participate fully in the political process.

10. Elections were cancelled due to alleged security reasons in several townships in Rakhine and Chin States, and in parts of Shan, Kachin, Karen, and Mon States, and Bago Region, exacerbating the affected communities' distrust of Government. In Rakhine State, the government cancelled elections in nine townships (Pauktaw, Ponnagyun, Rathedaung, Buthidaung, Maungdaw, Kyauk Taw, Myebon, Minbya, Mrauk-U) and partially cancelled voting in four (Kyaukpyu, Ann, Sittwe, Toungup) – disenfranchising an estimated 1.2 million people or some 60 percent of eligible voters, most of whom were ethnic nationalities. Uneven information sharing on voter eligibility, rights, and procedures, as well as the non-posting of voter lists were obstacles that also reportedly prevented certain populations from exercising their political rights. There was a reported lack of transparency and consistency in the criteria of the UEC for cancelling polls due to security concerns, given that voting was also cancelled in townships in Shan State with no active armed conflict.

11. It is precisely in areas affected by hostilities that free, fair, and genuinely competitive elections are most important. For elections to be legitimately cancelled, authorities should apply the proportionality principle, whereby, in this case, security concerns were sufficiently great to offset the imperative of holding fair, inclusive elections. A ballot must always be preferable to a bullet. As in 2015, voting in non-government controlled areas (NGCA) in the north and some areas in the southeast of Myanmar reportedly did not take place. In Kachin and northern Shan states, internally displaced persons residing in government-controlled areas were generally able to vote in their areas of displacement; the National Registration and

Citizenship Department (NRCD) made efforts to issue citizenship scrutiny cards (CSC) and household lists, and some flexibility was reportedly exercised around required documents and inclusion in voters' lists. Polls were, however, cancelled in 192 village tracts (11 townships) in Kachin State, including contested areas and NGCAs. Around a reported 21,000 internally displaced people of voting age (out of 39,000 IDPs) living in Kachin NGCA, as well as in Shan and Rakhine, could not vote and faced challenges travelling to government-controlled areas.

Freedom of expression, peaceful assembly and association

12. Notwithstanding the government's legitimate concerns about controlling the spread of COVID-19, the right to peaceful assembly during election periods is particularly important. Although the right is safeguarded by Article 354(b) of the Constitution, it is undermined in practice by the Peaceful Assembly and Peaceful Procession Law. The law, which has a notification regime, includes broad legal provisions in which peaceful assemblies can be denied for vague, highly subjective reasons including that the assembly not cause "annoyance," the reciting of unapproved "chants," nor the "spread" of "rumors or incorrect information" (Article 11). Violations of these broad provisions are punishable by up to six months of imprisonment and/or a fine (Article 19).

13. During the pre-election period, the authorities detained several students who joined protest or sticker campaigns that were critical of the government or the Myanmar military, including specific government policies such as a mobile internet shutdown or the identification of abuses by the Myanmar military in Rakhine and Chin States. Convictions followed for at least 34 students, two of whom received multiple sentences of over six years' imprisonment. Two others were sentenced to more than one year. These laws and their enforcement violate the fundamental right to freedom of expression. Additionally, in November, the ILO Governing Body expressed concern over charges made against trade unionists in Mandalay for staging a protest in 2019 and the use of the law to restrict their right to freedom of assembly.¹

14. Despite the informal ceasefire between the Myanmar military and the Arakan Army, the government instructed all mobile telecommunications operators to extend suspension of 3G and 4G mobile Internet services from the lead up to Election Day until the end of March 2021. Eight townships in Rakhine and Chin States were affected, specifically in Buthidaung, Rathedaung, Mrauk-U, Ponnagyun, Myebon, Kyauktaw, Minbya, and Paletwa. The Special Rapporteur notes that this arbitrary restriction, which has been in place for more than a year and half, represents one of the longest Internet shutdowns anywhere in the world. It is a continuing violation of the fundamental right to freedom of expression and it puts lives in serious danger. Without reliable mobile Internet access, people in Rakhine and Chin States are unable to obtain information and updates on issues that impact their lives and wellbeing, such as COVID-19 or information about the resumption of hostilities. It is also highly discriminatory, as it adversely impacts specific ethnic groups in Myanmar that live in those townships, such as Rakhine, Rohingya, Kaman, Mro, Daingnet, Khami, and Chin. Tellingly, the government announced that the suspension of Internet service would be lifted but then only permitted 2G connectivity. This allowed the claim to be made that Internet connectivity had been restored, while continuing to deny functional access.

15. States have an obligation to protect freedom of expression, offline and online, especially during election periods. Internet and telecommunications shutdowns prohibit access to, and the dissemination of, information. Restrictive policy measures formulated on the basis of overly broad justifications without due regard to the principle of proportionality runs contrary to international human rights law. For restrictions on the right to freedom of expression to be lawful, they must be provided for in law, applied only in specific circumstances to protect the rights and reputation of others, or to ensure national security, public order, public health, or public morals, and be necessary and proportionate. The broad Internet ban in Rakhine State does not meet that criteria. As of the time of writing, the Special Rapporteur had received reports that the Myanmar junta restored mobile Internet access in Rakhine State following the coup.

16. Hate speech, disinformation, and misinformation were prevalent before and after the election on social media. With the help of information classifier algorithms in the Burmese language, photo detection tools, country experts, and civil society, Facebook reported that they were able to address most hate speech on their site. Content demotions or page removals followed. It also reported that it proactively tackled disinformation and misinformation. It reportedly launched several actions against inauthentic behavior by actors and networks allegedly linked to military propaganda, as well as the manipulation of people. They also demoted reportedly fraudulent election content. Concerns have been raised about the inconsistency of Facebook's handling of fraudulent content, including the retention of pages run by the Myanmar military, as well as the amount of time that it takes to take action. Moreover, Facebook did not act on calls from human rights defenders to stop the Myanmar military from using Facebook to recruit members and to stop the Myanmar military from promoting its businesses, including subsidiaries belonging to Myanmar Economic Holdings Limited and Myanmar Economic Corporation on Facebook. These companies' profits from help fund the military, which engages in atrocity crimes. As of the time of writing, even post-coup, these businesses continue their presence on Facebook, including Innwa Bank, Royal Sportainment Complex, Hanthawaddy Golf Course, and others.

17. Military and state authorities targeted journalists and media professionals for prosecution during the election campaign. Legal actions brought against them were commonly based on vague sections in the Telecommunication Law or Penal Code, typically Sections 66(d) and 505(b) respectively. Interventions by the Myanmar Press Council¹ on some of the actions that the Myanmar military initiated against the media have led to charges being dropped. The same provision, Section 66(d) of the Telecommunication Law which outlaws the legally undefined action of defamation, is also frequently used to file charges against private citizens. In total, it is reported that during the current legislative period, 539 lawsuits have been brought against 1,051 individuals, 495 of whom are civilians, and 326 activists, and 67 journalists/media professionals. Significant reform will be required for Myanmar to meet international standards.

Political Prisoners

18. Regrettably, arbitrary detentions increased in 2019 and 2020. Throughout 2020, the increase in political prisoners was due primarily to peaceful protests and activism, land disputes, and armed conflict. As of December 2020, there were a reported 601 political prisoners. Forty-two were incarcerated while 559 were awaiting trial, 196 of whom remained in detention. This is a dramatic 74 percent increase from the 345 political prisoners at the beginning of 2019, which included 33 incarcerated persons, 78 awaiting trial inside prison, and 234 awaiting trial outside prison. The number of political prisoners rose steadily throughout the first half of 2019 and plateaued around 600 individuals until gradually decreasing to 507 individuals in the first half of 2020. The decrease in numbers was short-lived as the Government continued to abuse the restrictive colonial- and military-era sections 66(d) and 505(b) to arrest and convict journalists, student and labor activists, farmers, civilians with alleged ties to ethnic armed organizations, and others for the remaining duration of 2020. See appendix II for a chart showing the increase in political prisoners from 2016 to 2020.

19. The Government continued to grant amnesty to political prisoners throughout 2019 and 2020, though they made up a small fraction of total prisoners released. In 2019, three separate presidential pardons released 25 political prisoners along with approximately 23,000 prisoners. Among those 25 political prisoners were Kyaw Soe Oo and Wa Lone, two Reuters reporters imprisoned in 2018 for their investigation into the Inn Din massacre. In 2020, only 10 political prisoners were released in a group of 24,896 prisoners pardoned on 17 April 2020. Members of the Peacock Generation, a "thangyat" troupe imprisoned in 2019 for defaming the military in a satirical performance, and hundreds of others remain imprisoned for their political activities.

20. Arbitrary arrests and detentions significantly increased in 2021 following the military overthrow of the government. At the time of writing, reports of these detentions are increasing daily. There is a recurring pattern in which family members are not provided

information on the location or well being of those detained, making these situations tantamount to enforced disappearances.

Filtering, interception, and surveillance of communications

21. Prior to the coup, worrying trends in Myanmar's surveillance efforts were emerging. Specifically, the Special Rapporteur received reports of filtering information and blocking websites, including ethnic media sites, that were critical of the government or the military, or otherwise unwelcome by the authorities. This constitutes a violation of the right to freedom of expression. Myanmar should take immediate steps to withdraw the legal provisions allowing for the blocking of websites without due process.

22. In September 2020, Justice for Myanmar, an organization publishing information on the business dealings and relationships of the country's military, had their website blocked, and mobile operators were reportedly requested to filter their name. The government relied on the draconian and overly broad legal provision in Section 77 of the 2013 Telecommunications Law to intercept, filter, survey or suspend communications. It was also used to control the use of telecommunication service and equipment without civilian oversight, due process, or judicial safeguards. This violates international human rights law. These provisions of laws should be stricken.

23. Even before the coup, plans were in place to increase the capacity for government mass surveillance and the interception of communications in Myanmar. Under a new policy, the government would be able to directly tap into the datasets of telecommunications companies without restriction or even a requirement that the company is informed which communications are being intercepted. This would significantly increase the government and Myanmar military's interception and surveillance capabilities without independent judicial oversight. This policy would create a powerful surveillance state that would make citizens vulnerable to government or military surveillance in a country with a manifestly poor legal framework to protect the right to privacy and freedom of expression. Once a democratically-elected government is restored, government leadership must cease all efforts at mass, unfettered digital surveillance.

II. Protection of civilians

Conduct of hostilities, killing, and maiming

24. Myanmar's security situation in 2020 was characterized by intensified armed conflict across Rakhine State and Paletwa Township in southern Chin State, in or near populated areas; ongoing fighting in northern Shan State; sporadic clashes in Kayin State (Karen State); and recently clashes in Bago East, with lingering impacts of conflict in Kachin State.

25. Since the conclusion of the general election on 8 November 2020, the intensity of armed clashes reduced significantly in Rakhine and Chin states, with no armed clashes reported between the Myanmar military and the Arakan Army (AA) since 12 November. The apparent thaw in relations between the warring parties and the discussions between them, however tentative, raises some hope for peace in the area.

26. Between January and October 2020, there was a marked increase in intensity of fighting in Rakhine and Chin states, with a discernible pattern of attacks against non-combatants, including the indiscriminate use of heavy weaponry in civilian areas. In 2020, at least 226 people were killed in armed conflict in Rakhine and Chin states with another 555 reported wounded. Throughout that period, the UN Human Rights Office documented a pattern of violations by the Myanmar military, including the targeted use of heavy weaponry on civilian areas, disappearances and extra-judicial killings, torture and deaths in custody, and the use of airstrikes and landmines. In September 2020, a report by the High Commissioner for Human Rights outlined that war crimes and crimes against humanity may have been perpetrated by the Myanmar military in the course of the conflict in Rakhine and Chin states and called for an investigation (A/HRC/45/5). The report outlined how attacks

affected members of a wide range of ethnic groups, including Rakhine, Chin, Mro, Khumi, Kaman, Maramagyi, and Daignet people.

27. In northern Shan State, armed clashes continued between the Northern Alliance (Kachin Independence Army, the AA, Ta'ang National Liberation Army, and Myanmar National Democratic Alliance Army) and the Restoration Council of Shan State, a signatory to the National Ceasefire Agreement (NCA). The population continues to be subjected to forced recruitment, abduction, arbitrary arrest, and injuries due to landmine contamination, severely impeding movement, access to livelihoods, and compromising the civilian character of IDP camps. Despite fewer clashes during the reporting period, tensions between the Myanmar military and the Kachin Independence Army appeared to be mounting since mid-2020. Forced recruitment, however, continues in Kachin State, as well as killing, maiming, and assault.

28. The end of 2020 marked a visible change in relationships between the Myanmar military and Ethnic Armed Organisations (EAOs) in South East Myanmar. These organisations – notably the Karen National Liberation Army (also signatory to the NCA) – demanded the withdrawal of the Myanmar military's presence in the EAOs' controlled areas, citing Article 3 of the NCA. There were skirmishes between the Myanmar military and the KNLA in Kayin (Karen) State throughout 2020, which extended to the Bago East region at the end of 2020. Close to 4,000 civilians were displaced as a result. The Special Rapporteur echoes the concerns raised by many local civil society organizations regarding escalating tensions in Kayin (Karen) State and calls for the withdrawal of Myanmar military troops in these ethnic areas.

29. During the first 10 months of 2020, the Mine Risk Working Group reported 217 casualties. Rakhine State accounted for approximately 50 percent of the total number of casualties, where 108 casualties were recorded in 2020, compared to 45 in 2019, representing a 240 percent increase.¹ Shan and Kachin represented 26 percent and 10 percent of the total number of casualties respectively. In militarized and/or conflict-affected areas, arbitrary detention (short-term detention at military checkpoints, and longer-term detentions) was also reported, with some IDPs accused of association with unlawful organizations/terrorism.

30. Clashes increasingly took place in more populated areas and along main roads and waterways. As a result, there were hundreds of casualties from stray bullets, crossfire, landmines, and improvised explosive devices. Rights violations attributed to the Myanmar military and the AA were reported. The deployment of additional security forces and the setting up of new checkpoints along main roads in various townships have caused more anxiety among and difficulties for villagers, including delayed access to humanitarian aid. Use of civilian vehicles/transport and the occupation, damage to, and use of civilian properties (including schools and religious sites) by parties to the conflict were also reported. With continued restrictions on rights – including freedom of movement and access to livelihoods and basic services – and ongoing reports of harassment, arbitrary arrest and detention, forced labour, physical threats, and violence, the conflict has heightened the longstanding vulnerabilities of the Rohingya and other ethnic groups, including the Rakhine (Arakanese), Chin, Mro, Khumi, Kaman, Maramagyi, and Daignet people.

Violating the International Court of Justice provisional measures order

31. An Order by the International Court of Justice on 23 January 2020 in the case of *The Gambia v. Myanmar* instructed Myanmar to take all necessary measures to protect members of the Rohingya community from acts proscribed by the Genocide Convention. From 23 January 2020 to 22 January 2021, at least 33 Rohingya civilians were killed as a result of the conflict, with at least 39 others injured. According to information received by the Special Rapporteur, in the year following the ICJ's Provisional Measures Order, 19 Rohingya men, women and children were killed as a result of targeted or indiscriminate attacks by the Myanmar military; one was killed in a targeted killing by police; ten were killed as a result of landmines or unexploded ordnance; and two were killed in targeted killings by other unidentified armed groups. The 33 killed included 15 children and three women.

32. The following incidents are illustrative of the attacks on Rohingya civilians in 2020:
- (a) On 12 February 2020, three Rohingya – two children and a civilian – were killed when a shell fired from a security outpost at a nearby bridge landed on a home in Buthidaung township;
 - (b) On 29 February 2020, six Rohingya civilians were killed in Mrauk-U township when the Myanmar military fired indiscriminately for an hour and a half on a Rohingya village after a vehicle in their convoy was damaged in an explosion;
 - (c) On 5 October 2020, three Rohingya civilian who worked as vegetable sellers, were shot dead by the Myanmar military in Minbya township after they failed to stop a boat that they were traveling in;
 - (d) On 5 October 2020, two Rohingya teenagers were killed by bullet wounds that were inflicted in an exchange of fire between the Myanmar military and the AA. The two teenagers were among 15 abducted by the Myanmar military in two neighboring Buthidaung township villages that morning and incurred the injuries after being used as “human shields” by the Myanmar soldiers who abducted them.

33. See appendix III for an accounting of reported killings and serious injuries against the Rohingya, in violation of the ICJ order.

34. In addition to the killings of Rohingya by the Myanmar military, scores more were injured as a result of incidents similar to those described above and Rohingya are among the thousands of people who have been internally displaced by the conflict. Those displaced have experienced severe food and other shortages during a time when Myanmar, like the rest of the world, is dealing with the COVID-19 pandemic. An internet blackout across most of the areas affected by the conflict prevented people living in these areas from receiving and sharing information during a critical time, while travel restrictions have prevented journalists and others from reporting on the conflict. At the same time, Rohingya continue to be subject to severe restrictions on movement within Myanmar and efforts continue to enforce members of the community to accept the National Verification Card, a form of identification which may preclude future efforts by individuals to access their citizenship; while a further 130,000 Rohingya IDPs – separate and distinct to those displaced by the ongoing conflict – continue to reside in camps in central Rakhine nearly nine years after those camps were established.

Arbitrary Arrests and Detentions, Torture, and Enforced Disappearances in Rakhine and Chin State

35. The armed conflict between the Myanmar military and the AA, recognized by the International Committee of the Red Cross as a non-international armed conflict, began in December 2018 in Rakhine and Chin states and expanded in scope and intensity until the general election in November 2020. The military’s longstanding strategy for fighting ethnic armed groups EOAs such as the AA is known as the “Four Cuts Policy,” so-called as it seeks to cut armed groups off from funding, food, intelligence, and recruits from the local population. Consistent patterns of attacks by the Myanmar military against non-combatants, including enforced disappearances, arbitrary arrests and detentions, torture and other cruel, inhumane or degrading treatment or punishment, and extra-judicial killings of civilians have been documented since the beginning and throughout the conflict. In keeping with the Four Cuts Policy, the Myanmar military’s strategy is to target the support of the AA from the local population, relying on demonstrative acts of violence that do not appear to distinguish between AA fighters and Rakhine civilians. While the victims of targeted attacks were largely ethnic Rakhine, other ethnic minorities, particularly Rohingya, were also targeted. In cases of arrests, detention, and extrajudicial killing, the Myanmar military seemed less concerned by any link between the suspect and the AA, rather their main focus appeared to be to instill terror among the civilian population.

36. In more than two years of fighting between the Myanmar military and the AA, there have been dozens of cases of arbitrary arrest of civilians by the Myanmar military on accusations of ties to the AA. Arrests of large groups of men were routinely documented throughout the conflict and a pattern was observed whereby arrests were carried out in

villages adjoining areas where AA attacks on the Myanmar military had been carried out in the days before. According to consistent witnesses' statements, those detained were often of fighting age and many were detained because they were not native to the village they were found in or because they had marks on their bodies consistent with crawling through vegetation, which the Myanmar military apparently interpreted as conclusive that the individuals were involved in AA manoeuvres. In several instances, entire male populations of villages were detained and questioned. In some cases, the men were blindfolded. Instances of arbitrary detentions increased markedly in frequency following the 23 March 2020 Presidential Order that designated the AA as a terrorist organization.¹ According to local civil society, the Myanmar military arrested more than 360 civilians who were convicted or are awaiting trial, while only 78 were released.

37. In the overwhelming majority of cases of arbitrary detention investigated, torture and other ill-treatment has been documented. Detainees, family members, and lawyers relayed detailed accounts of beatings and instances of burning detainees' flesh with metal rods, the extraction of fingernails, and electrocution. For the most part, arrests were carried out by Myanmar military soldiers and torture almost exclusively in military custody. Detainees are usually held in military barracks for a period of days or weeks, when they are eventually transferred to police custody and criminal cases are initiated against them. Torture usually stopped once detainees were handed over to police. Several individuals provided information concerning loved ones who died in custody. In many of these cases, the body of the detainee was not handed over to the family. In cases where families have seen the bodies of deceased relatives, they described marks that they believed were the result of beatings and electrocution. In 2019, detainees in one instance were shown the dead body of a man that was detained with them during interrogation.

38. Myanmar military units active in northern Rakhine State have an established practice of arbitrary arrests and deaths in their custody. Between 2019 and 2020, there were nine separate instances of deaths in military custody that resulted in 20 fatalities. Twenty-three others are missing and presumed dead following a series of enforced disappearances by Myanmar military Battalion 55 in Kyauktaw township in March 2020 (described below). Given the difficulties in gathering information resulting from an Internet blackout and the ban on media access to the conflict areas, it is probable that this figure does not reflect the full extent of deaths in military custody in Rakhine State over this period. On 26 February 2020, at least 20 people were arrested – 13 women and seven men – near Taung Shay Daung Pagoda in Kyautaw township. All 13 women and one man were released shortly later, but three of the other six men died in custody. Three men were traders of small goods who had plied routes in the area for almost 20 years. One of the men was reportedly hung from a tree by his feet, beaten, and burnt with boiling water. Soldiers reportedly stabbed detainees with knives and forced them to drink noxious substances. In another incident in Mrauk U on 27 September 2020, soldiers of the military's battalion 377 stopped a taxi driver at a checkpoint and took him to the battalion base. His body was returned to his family the next day with visible wounds on his body, and with his hands and legs broken. He had been shot in the head.

39. Myanmar military Battalion 55 displayed a particularly clear pattern and practice of conduct that repeatedly amounted to serious human rights violations, including deaths in custody, enforced disappearances, and the use of torture. Three men died in custody after being detained at Taung Shay Daung Pagoda, as described above. Elements from Battalion 55 carried out a series of arrests in Tin Ma Thit and Tin Ma Gyi villages in Kyauktaw in March 2020. According to multiple eyewitnesses, soldiers took 21 individuals into custody and have since been unaccounted for. They are presumed dead one year later. Myanmar military Battalion 55 never acknowledged the detention of these individuals and never accounted for their presence. As a result, these cases amount to enforced disappearances.

Children in armed conflict

40. Violations of international humanitarian and human rights laws as well as impunity for violations in Rakhine State were pervasive during the reporting period. Serious incidents were reported, including the death of two children and the maiming of another by artillery fire in Myebon Township on 10 September, the killing of two children as they were used as

human shields in Buthidaung Township on 5 October, and the death of a boy hit by an artillery shell in Mrauk-U Township on 22 October.

41. According to a UNICEF report, at least 121 incidents involving landmines, explosive remnants of war (ERW), and other explosive hazards took place in the country during the first 10 months of 2020. They killed at least 57 people and injured 160 more, indicating an upward trend in casualties in 2020 compared to 2019, when 57 people were killed and 170 injured in the course of the entire year. The highest number of casualties in 2020 was reported in Rakhine State, with 37 people killed and 71 injured. Rakhine State also accounted for the highest rate of child casualties, with 13 children killed and 34 injured, representing over 44 percent of the total number of people killed or injured across the state, compared to two children injured in Kachin State, and two killed and 18 injured in northern Shan State. Incidentally, in 2020, children represented 34 percent of casualties from landmines and unexploded ordnances (UXOs) countrywide with Rakhine State, accounting for the highest rate (44 percent) of child casualties.

42. In conflict-affected areas, armed conflict presents a significant obstacle to access to education. The majority of incidents in the reporting period took place in northern Rakhine State and Paletwa Township in neighbouring Chin State. The conflict regularly disrupted education for students in these areas.

43. While high schools briefly reopened for approximately one month between 21 July 2020 and 27 August 2020, nearly half the schools in Paletwa Township were reportedly unable to reopen due to the ongoing conflict, and experienced a shortage of teachers ahead of the new academic year, after nearly 200 teachers had applied for relocation due to insecurity in the region. After schools were forced to shut nationwide following the second wave of COVID-19, schools in Myanmar remained closed for the remainder of 2020. At present, the Ministry of Education was expected to roll out its home-based learning programmes in early 2021 to support students in continued learning for the academic year 2020/21. However, distribution of physical copies of home-based learning materials is limited to a relatively small number of townships nationwide, and it is anticipated that students from lower-income families, or living in conflict-affected and rural areas, may not be able to access home-based learning. As a result, the pandemic poses a significant risk of exacerbating existing disparities in access to education and learning outcomes.

Freedom of movement

44. The Rohingya remain cut off from livelihoods, education, and basic services due to ongoing, severe movement restrictions. Reports note impediments to accessing quality medical care were especially problematic during the COVID-19 pandemic. The inability of IDPs to temporarily return to their lands at harvest time has further undermined their self-reliance. Displaced communities have recently described being afraid of going back to their villages due to the presence of landmines within and around their villages. This creates substantial barriers to durable solutions for this oppressed community.

45. Virtually all Rohingya (excluding the very small number who hold citizenship cards) require authorization to leave Rakhine State and to travel outside of their villages or townships within Rakhine State. This time-limited authorization is exceedingly difficult to obtain, considering the administrative and financial requirements, making it unattainable for most. Permission and documentation are needed even to travel short distances from their township and/or village tracts (including to urban areas within townships), severely restricting access to livelihoods as well as basic and life-saving services. Further movement restrictions in some locations were observed with the introduction of new requirements for people to hold National Verification Cards, including for travel within townships. Rohingya can only obtain such a card if they identify themselves as “Bengali” and self-identify as non-indigenous to Myanmar.

46. As part of the Myanmar New Year presidential pardon in April 2020, authorities withdrew all charges against Rohingya arrested for travelling without documents and pardoned those convicted of the same charges. Over 880 Rohingya were consequently released from arrest or detention and returned to Rakhine State. Subsequently, it was

observed that Rohingya intercepted en route within Myanmar without requisite documentation had been apprehended and then returned to Rakhine State. They were denied the right to freedom of movement and forcibly returned but charges were not filed. No official or publicly available statement was made by the authorities in this regard. The Special Rapporteur notes reports that treatment of those apprehended has also been inconsistent, ranging from timely release (in line with COVID-19 measures) to prolonged detention in police stations, prison, or quarantine facilities. But the right to freedom of movement is being consistently denied.

47. An estimated 600,000 vulnerable, stateless Rohingya still live in Rakhine State, including some 130,000 whom the government has confined to IDP camps in central Rakhine since 2012. The cumulative effect of the armed conflict, COVID-19, and attendant measures comprising curfews and other movement restrictions as well as mobile data/internet shutdowns, exposes already vulnerable populations (including IDPs in protracted situation and ongoing new displaced populations), to even greater risks, and significantly impacts access to livelihoods and essential services. While restrictions on movement affected all communities, the Rohingya faced additional obstacles/threats – for instance, when seeking safety or accessing life-saving services at night – due to pre-existing movement restrictions. The pandemic exacerbated longstanding prejudices and negative rhetoric against the Rohingya in Rakhine State (i.e. in relation to “illegal” cross-border movements) accompanied by increased calls for the Government to control the country’s borders.

48. In Rakhine State, Rohingya and other communities of ethnic nationalities, including Rakhine (Arakanese), Chin, Mro, Khumi, Kaman, Maramagyi, and Daignet are most susceptible to extortion by state security forces when attempting to access livelihoods, services, education, or health care, not least when permission is required from authorities. Limitations on movement and other COVID-19 measures aggravated incidents of extortion. Extortion not only impedes daily activities but also compromises the already precarious safety and security situation, and overall protection/wellbeing of individuals and their community. Beset by structural poverty and formal and informal movement restrictions (including the frequent change in documentary and other requirements) that impede access to services and livelihoods, prolonged extortion erodes resilience, heightens risks of negative coping strategies (debt, gender-based violence, trafficking), and negatively impacts trust/confidence and community self-governance. Government authorities, such as local administrators, security forces (police, military), and Camp Management Committees (CMCs), have been the main perpetrators in the Rohingya camps. Incidents largely take place at checkpoints (both police and military) and in IDP camps, which includes distribution points. Those affected include men, women, and children passing through checkpoints. In IDP camps, families dependent on CMCs for approvals (to leave camps, visit clinics, or secure referral to hospitals) or for inclusion in household lists are prone to extortion perpetrated by the CMC members.

Humanitarian Access

49. Throughout 2020, humanitarian organizations had varying degrees of difficulties gaining access to crisis-affected people in targeted locations due to security challenges and government restrictions. Access constraints imposed by the government since 2016 frequently resulted in difficulties and delays in assessing needs and implementing and monitoring response activities.

50. In Kachin State, despite a lull in conflict since 2018, access for many humanitarian organizations continued to be challenging. International humanitarian organizations have had very limited access to camps in Kachin Independence Organization areas that have hosted some 40,000 displaced persons since early 2016. Local partners continued to respond in these areas, albeit in challenging circumstances, with closures of the border with China in response to the COVID-19 pandemic further complicating movement, programming, and access to markets. In addition to the government’s non-issuance of travel authorizations for aid workers, poor infrastructure and monsoon flooding further complicated efforts to reach people in need in locations across Kachin State, undermining the quantity, quality, and sustainability of assistance and services provided to IDPs and host communities.

51. Permission for humanitarian actors to access areas in Southeast Myanmar remain limited, particularly in areas controlled by EAOs, impacting delivery of assistance to displaced communities.

52. In northern Shan State, sporadic outbreaks of fighting seriously impacted the civilian population, in addition to the many of challenges noted in relation to neighboring Kachin State. Securing travel authorization is particularly challenging for UN and INGO partners attempting to access locations hosting internally displaced persons. Organizations operating in these areas also faced challenges relating to poor infrastructure and military checkpoints.

53. In Rakhine and Chin states, national and international humanitarian organizations continued facing increasing challenges in reaching affected people despite an agreement reached with UNHCR and UNDP. Many areas were cut off due to restrictions including shifting travel authorization requirements, insecurity, landmines, or poor infrastructure. This has exacerbated already limited access in many parts of Rakhine State. Access to sites hosting people displaced by the armed conflict between the Myanmar military and the AA has been particularly challenging, especially in rural areas, with travel authorization often limited to particular sectors and granted for short periods of time, impeding the provision of quality, predictable humanitarian assistance and services.

Impact of COVID-19 on humanitarian access in Rakhine

54. The government imposed stringent measures in Rakhine State after the first locally transmitted COVID-19 case was diagnosed in the state in mid-August, which severely impacted the delivery of humanitarian aid. These measures included the full suspension of activities of humanitarian organizations whose staff tested positive, including activities such as mobile-clinic services, quarantine for primary and secondary contacts, and a requirement for frontline humanitarian staff to undergo testing before resuming their activities. The Rakhine State Government limited the humanitarian response to “essential assistance,” which initially only included activities, such as health, food support, water and sanitation, and COVID-19 response. The State Government also imposed restrictions on the movement of humanitarian personnel into and between camps and displacement sites and instructed humanitarian actors to hand over supplies to camp management committees and/or local authorities. It is reported that around half of the activities were partially disrupted and one third fully disrupted.

III. Statelessness, internal displacement and the right of return

Statelessness

55. No tangible progress was reported in improving the situation of the Rohingya with regard to their legal status and right to a nationality, or restoring citizenship in line with the Government of Myanmar’s endorsed Advisory Commission on Rakhine State recommendations. Without reform of the 1982 Citizenship Law, discrimination based on an applicant’s ethnicity – in both law and practice – continues to impede the acquisition of citizenship documentation among minority groups, with the Rohingya being the most affected.

56. Citizenship remains inaccessible to almost all Rohingya. The citizenship process continues to lack transparency and involve prohibitively high unofficial fees and burdensome evidentiary and administrative requirements. Recent trends also indicate that the Rohingya are being issued Naturalized citizenship even when eligible for full citizenship. Access to civil and citizenship documentation remains challenging countrywide, with ethnic and religious minority groups being the most, but not exclusively, affected. Several reports have highlighted numerous barriers faced by different groups across Myanmar in obtaining nationality documents, including logistical, gender-based, administrative, and cost, as well as parallel administrative systems in non-governmental controlled areas (NGCA). Measures aimed at improving access to citizenship documents, such as streamlined procedures and mobile missions, apply exclusively to persons from the 135 officially recognized ethnic groups, despite that the origins and legal nature of the “official” list remain dubious.

The burden of proof rests fully on the applicant, and officers mandated to determine nationality have a high discretion on the type and number of documents that they can request the applicant to submit. This results in a complex, lengthy, time consuming, and at times arbitrary and discriminatory, process preventing disadvantaged and vulnerable groups from realizing their right to nationality.

57. The Government of Myanmar had been planning to introduce a digitized identity management system (the e-ID system) to develop a digital population registry with biometric data of all individual residents. The plan would include the issuing of smart card IDs to registered individuals verified as citizens. While this would have advantages if implemented with critical protections in place, such a system has significant disadvantages under current conditions in Myanmar. The government, the military, and the private sector allegedly collect personal biometric data without comprehensive data protection legislation in line with international human rights law. This renders people in Myanmar vulnerable to abuse of their personal information without adequate independent oversight and protection of their rights. It is therefore necessary to ensure that personal biometric and identity information is adequately protected from undue interference or manipulation, including surveillance and interception of communications, and to guarantee effective civilian oversight and procedural safeguards of the population register. Developing a digital civilian-controlled population register is corollary to adopting legislation that is in line with international human rights law. Advancing a digitized identity management system without first addressing the gaps in the laws and their implementation will not only fail to address the underlying issues, but risk entrenching existing discrimination and rights deprivations.

Internal displacement

58. Protracted and recurrent displacement, poor living conditions, dependency on humanitarian assistance, and the impact of COVID-19 on access to services and livelihoods have negatively impacted both displaced and non-displaced populations. In some cases, this has significantly exacerbated the existing challenges faced by marginalized communities. The Myanmar military-Arakan Army fighting contributed to the largest increase in displacement, with over 100,000 people displaced as of the end 2020. Humanitarian organizations project that one million people in Kachin State, northern Shan State, Rakhine State, southern Chin State, eastern Bago Region, and Kayin (Karen) State will continue requiring urgent humanitarian assistance in 2021; estimating 30 percent of IDPs as falling into the “extreme” severity of need, with close to 70 percent in the “severe” category.¹

59. In Rakhine and Chin states, close to 50,000 people were forced to flee from their homes in 2020, and by the end of the year, around 100,000 people were displaced in over 194 sites in the two states. This increase in displacement compounded challenges faced by host communities that were in many cases also affected by the conflict, including growing landmine and unexploded ordnance contamination. Hostilities also hampered access to markets and livelihoods, with roads and waterway transportation regularly blocked by the parties, particularly in Paletwa Township in Chin State and the Dar Lett Village Tract in Ann Township in Rakhine, disrupting logistics and supply chains.

60. In central Rakhine State, 130,000 people, the vast majority of whom are stateless Rohingya, 54 percent of whom are children, were confined to what can best be described as desolate internment camps. Under the best of circumstances, they had extremely limited access to healthcare, even before the onset of the COVID-19 pandemic. In total, an estimated 600,000 Rohingya live in Rakhine State under highly repressive conditions that severely limit their ability to move or make a living, let alone access health care or education for their children. Conditions for Rohingya in Rakhine State appear designed to be destructive to the survival of the community.

61. In northern Shan State, clashes between the Myanmar military and Ethnic Armed Organizations (EAOs), especially with the Restoration Council of Shan State/Shan State Army (RCSS/SSA), led to the displacement of around 8,700 people throughout 2020. Namtu and Kyaukme townships registered the highest number of internal displaced persons, with 4,000 people displaced in Kyaukme in early October alone. Civilian casualties were reported

in northern Shan State due to the armed clashes, as well as explosions of landmines and ERW. An estimated 9,700 IDPs remained in protracted displacement in sites in northern Shan State.

62. Despite a decrease in clashes between Myanmar military and the KIA in Kachin State since mid-2018, landmines and explosive hazards continue to pose a deadly risk to civilians. Nearly 96,000 people remained in IDP camps established after fighting broke out in 2011, roughly 40,000 of whom are in areas controlled by non-state armed actors.

63. Access barriers remain in Kachin and northern Shan states for some 105,000 IDPs in protracted displacement and who continue to depend on humanitarian assistance to meet their basic needs. Of particular concern was the impact of COVID-19-induced restrictions on the Chinese border, which limited access to cross-border livelihoods and provision of food assistance to IDPs in NGCAs in Kachin State. Fear of the pandemic and shrinking livelihood opportunities resulted in increased IDP movements to and from their villages of origin, including to villages in militarized and/or contested areas where armed actors' positions and explosive remnants of war contamination risks remain.

64. Implementation of the National Strategy on the resettlement of internally displaced persons remained problematic. Concerns remained around the Government's approach of prioritizing quick, visible gains and infrastructure-oriented intervention, leading to the premature closure of camps and/or return of IDPs without guarantees of voluntariness, safety, and dignity. Humanitarian landmine-clearance has yet to be undertaken as mines continue to be used, and efforts to clear mines remain dependent on the fledgling peace process and stymied by trust issues between parties to the conflict. The 2012 Farmland Law links citizenship to the right to register and acquire the right to use farmland, while the revised 2018 Vacant, Fallow and Virgin Land Management Law classifies land not being used as vacant and available for grants of use rights to other parties – compromising the housing, land, and property (HLP) rights of stateless and displaced persons.

65. The Government's approach toward the closing the Kyauk Ta Lone IDP Camp in central Rakhine State demonstrates the gap between the principles set out in the National Strategy and facts on the ground. Concerns center around possible undue influence being exerted on affected communities – mostly Rohingya Muslims – to accept the relocation plan without safeguards of rights and pathways for freedom of movement. Occupants allegedly remain confined to their sites without freedom of movement to access education, markets, or health services, including shelter and Water, Sanitation, and Hygiene interventions requiring immediate interventions in some locations.

The right of return

66. In 2020, the actual movement of IDPs to their villages of origin remained, at best, modest. In fact, rather than returning to live, many were only able to try to verify that the village continued to exist or try to undertake livelihood activities. Clearing landmines, engaging in meaningful consultations with IDPs about their interests and needs, addressing land rights, and promoting access to basic services and livelihoods remain key unresolved issues. The Special Rapporteur notes that in November and December, Government officials reportedly took steps to encourage populations displaced during the Myanmar military-AA armed conflict in several townships throughout Rakhine State to consider returning to their places of origin. These IDPs remain concerned about the resumption of clashes, the possible presence of landmines, access to services, and other relevant issues.

67. In Kachin State and, to a lesser extent, in northern Shan State, IDP movements from areas of displacement have been driven by a combination of self-initiated returns or relocations, local civil and faith-based organizations, and/or EAO arranged interventions, as well as some local Government supported programmes. Displacement fatigue on the part of IDPs and host communities, capitalizing on modest opportunities for improvement, have reportedly motivated these efforts, even if the solutions have been less than ideal or more transitory in nature.

68. In northern Rakhine State, the right of refugees to return to their original places and recover their house, land, and property further deteriorated in 2020, with reports of bulldozing

and the clearing of homes and land, encroachment and confiscation of the house plots/land left behind. Additionally, Rohingya villages were subjected to reclassification, in some cases being removed from official maps. As widely reported, including a report to the Human Rights Council by the Special Rapporteur, refugee land has been used by various actors for different purposes including the development of security compounds, government buildings, and development projects in new villages/settlements. Moreover, an apparent shift in policy was observed since the escalation of the COVID-19 cases, as “spontaneous” refugee returnees from Bangladesh previously processed under the Union Enterprise for Humanitarian Assistance, Resettlement and Development framework and permitted to return to their original or other places, instead faced charges and were sentenced for illegal entry. On the Thailand-Myanmar border, more than 120,000 refugees remained stranded in camps and unable to return, which has been exacerbated by the resumption of armed conflict between the Myanmar military and the KNLA.

IV. Ending business and arms trade with the Military

Business with the Myanmar Military

69. The Independent International Fact-Finding Mission on Myanmar (FFM) published its report on the economic interests of the Myanmar military to the Human Rights Council at its 42nd session in August 2019 (A/HRC/42/CRP.3). The FFM concluded that no business “should enter into an economic or financial relationship with the security forces of Myanmar, in particular the military, or any enterprise owned or controlled by them or their individual members, until and unless they are re-structured and transformed as recommended by the [FFM].”¹

70. The Special Rapporteur can report that following the publication of the 2019 report, several companies took steps to follow the recommendations laid out by the FFM. That said, many companies continued to conduct business with military-owned enterprises and the Special Rapporteur will subsequently report his findings. The Special Rapporteur is encouraged to see many companies re-examining their business relationships following the coup. See Annex IV for a list of actions companies have taken since the August 2019 FFM report.

71. Newtec, now ST Engineering, a Belgian satellite communications company, was one of the first businesses to cut ties following the FFM report. In 2018, it supplied equipment and technology to Mytel – a network operator jointly owned by MEC and Viettel (part of Vietnam’s Ministry of Defence) – through a deal with Com & Com to launch a mobile backhaul network. In August 2019, Newtec released a statement saying it would “follow the recommendations by the UN and stop commercial ties with Mytel” by refusing requests made by Com & Com to use Newtec products and services in the Mytel network.¹

72. Maersk (Denmark), the largest shipping company in the world, announced in October 2020 that it would no longer use TMT Port, which is owned by MEHL.¹ TMT Port is jointly managed by a British company, Portia Management Services, and domestic company, KT Services.¹ Portia Management Services stated in June 2020 that it had no plans to renew its contract with the port past its expiration in 2021.¹

73. In January 2020, Western Union (US) confirmed it would be ending its contract with Myawaddy Bank, which is owned by MEHL.¹

74. Kirin Holdings, which once controlled 80 percent of Myanmar’s beer market through its joint ventures with MEHL in Mandalay Brewery Ltd and Myanmar Brewery Ltd, began taking steps in line with the FFM’s recommendations in February 2020, when it announced it met with MEHL management to discuss the issues identified in the 2019 report and requested that MEHL provide updated details on its financial and governance structures.¹ In June 2020, Kirin appointed Deloitte Tohmatsu Financial Advisory LLC to conduct an independent review of said structures to determine the destination of profits from both joint ventures.¹ Kirin eventually suspended dividend payments from Myanmar Brewery and

Mandalay Brewery to MEHL in November 2020, and on 5 February announced it would be ending the joint ventures with MEHL in light of the military coup.¹

75. Rothmans Myanmar Holdings Singapore (RMHS) is a joint venture partner with MEHL in Virginia Tobacco Co. Ltd., which produces the two most popular cigarette brands in Myanmar, Red Ruby and Premium Gold. RMHS announced in December 2020 that it would be taking legal action against MEHL for “oppressive treatment” and a failure to meet its demands for greater transparency following the release of the 2019 report. Following the coup, RMHS major shareholder Lim Kaling announced he was exiting the joint venture.¹

Transfer of Arms to Myanmar Military

76. The FFM also called for sanctions and a comprehensive arms embargo on the Myanmar military (A/HRC/42/CRP.3). In June 2020, the Human Rights Council expressed deep concern that illicit arms transfers were seriously undermining human rights (A/HRC/43/26). Several nations prohibit the sale of weapons and military equipment to Myanmar, including dual-use goods. See appendix IV for a list of countries with arms embargoes against Myanmar, which includes the United States, United Kingdom, Australia, Canada, and European Union member states.

77. From the release of the FFM report up until January 2021, numerous reports highlighted that the Myanmar military continued to purchase military infrastructure and dual use technology, including cargo aircrafts, air defence systems, drones, and radar. Moreover, international businesses continued to purchase information and communications technology from Mytel, a company run by the Myanmar military.

78. The FFM report identified sixteen state-owned and private companies that sold conventional arms and related goods to the military and seven private companies from which the military bought or attempted to buy dual-use goods and technologies from. Only two of these companies, Dejero (Canada) and Jotron (Norway), reported taking action. Dejero confirmed its newsgathering equipment had been resold to a television network in Myanmar in both 2017 and 2018. Following the recommendations of the 2019 report, Dejero instructed the reseller in August 2019 to end such business.¹ Internal investigation at Jotron revealed their Singapore-based subsidiary delivered air traffic control communications equipment to Myanmar, following Singaporean guidelines that had no restrictions on supplying dual-use goods to Myanmar at the time. However, Jotron instructed all subsidiaries to follow the guidelines set by the Norwegian Department of Foreign Affairs (which lists Myanmar as a restricted zone) instead of local jurisdiction moving forward.¹

V. Ending Land and Labour Exploitation

Forced labour

79. Forced labour, the recruitment of children, and violence against workers continued to be reported during the reporting period. A significant rise was reported in both adults and children being forced to act as porters, guides, and human shields. In northeast Kachin and northern Shan states there were numerous reports of men and teenagers intercepted outside of the camps when returning home. Despite the commitment of the Myanmar military to engage with the Country Task Force on Monitoring and Reporting (CTFMR), the death of two boys in Buthidaung Township on 5 October demonstrated continued use of children. The Myanmar military denied any responsibility for the incident.¹

80. Myanmar military-owned business conglomerates, Myanmar Economic Holdings Limited (MEHL) and Myanmar Economic Corporation (MEC), continued to be actively involved in business and commercial activities such as construction, mining, tourism, banking, pharmaceuticals, and insurance. After a long and devastating history of State-sponsored forced labour, the 2008 Constitution included a prohibition of forced labour in Article 359. However, the Article contains a broad provision allowing legal exception for the use of forced labor in cases of “duties assigned by the Union in accordance with the law in

the interest of the public.” The constitution should be amended in order to bring it into conformity with the Forced Labour Convention, 1930 (No.29), which Myanmar ratified in 1955, and to strengthen parliamentary oversight functions relating to forced labour.¹

81. In June 2020, Myanmar ratified the Minimum Age Convention of 1973 (138). This represents a significant step forward for children, particularly in the midst of the COVID-19 pandemic. Child labour severely impairs the health, well-being, and development of an estimated 1.13 million children across the country. The Special Rapporteur echoes the need to adopt the ILO recommended hazardous work list along with enabling regulation, to prevent the worst forms of child labour. The Special Rapporteur notes that the National Forced Labour Complaints Mechanism Committee in Nay Pyi Taw continued to work on institution building and pending cases following its establishment in February 2020. He calls for a credible national mechanism in line with the comments by ILO supervisory bodies.

Development projects, forced evictions and land grabbing

82. There were reports of forced eviction and land grabbing that were allegedly used by the government and Myanmar military to expand development projects in Myanmar in violation of the rights of individual landowners and tenancy holders. The majority of residents in informal settlements endure tenuous forms of tenure security and the pervasive threat of evictions. Land confiscation, proliferating commercial/foreign agri-business investments, and landmine contamination further impact the ability of displaced persons to return to areas of origin and reacquire use of their land.

83. In May 2020, UN-Habitat published its rapid assessment of the impact of COVID-19 on informal settlements and found that 53 percent of respondents were afraid of being evicted from their homes during the pandemic.¹ More women respondents reported eviction-related insecurity (57 percent) compared to men (49 percent). COVID-19 has brought a renewed threat of mass eviction to informal settlements, which compounds the increasing number of reports of domestic violence during lockdown and susceptibility to infection. Evictions or the threat of evictions have been related to a range of negative health outcomes, including high blood-pressure, depression, anxiety, and forms of psychological distress.

VI. Conclusion and Recommendations

Conclusion

84. **These recommendations remain relevant when democracy is restored in Myanmar and the Special Rapporteur includes them herein.**

85. **This annex demonstrates that even prior to the military coup, the Myanmar government and military violated people’s rights to freedom of expression, assembly and association, and right to life, liberty, and security of person. Individuals were disenfranchised because of their ethnicity and unable to attain citizenship. Myanmar security forces engaged in arbitrary arrests, torture, and enforced disappearance just as in post-coup Myanmar. The next democratically elected government must address these glaring violations of human rights.**

Recommendations

86. **The Special Rapporteur’s recommendations after the restoration of a legitimate government include:**

(a) **Initiate a process to consider fundamental changes to the constitution whereby the military is fully accountable to a legitimate democratically elected government;**

(b) **Ensure the rights to freedom of opinion and expression, peaceful assembly and association, and repeal any law that criminalizes or unduly restricts their**

enjoyment, online or offline, or that is used as an instrument of repression, including against land and environmental activists, artists, journalists, human rights defenders, civil servants, civil society organizations, ethnic nationalities, and displaced people. Suspend the enforcement of these laws until they can be stricken;

(c) Protect the right to information to ensure rapid and practical access to information of public interest;

(d) Urgently address the situation of armed conflict in various parts of Myanmar by ensuring a continuation of formal and informal ceasefire agreements, ending armed conflict with Ethnic Armed Organizations, taking all possible measures to avoid civilian casualties and cease the use of, and damage to, homes, schools, and religious facilities;

(e) Address the unresolved issues involving ethnic minority states and communities including justice for the Rohingya ethnic community;

(f) Ensure full cooperation with the proceedings at the International Court of Justice and other justice initiatives by international and domestic courts or tribunals, including the Office of the Prosecutor at the International Criminal Court, to address allegations of gross violations of international human rights and humanitarian law;

(g) Lift all restrictions arbitrarily imposed and enforced on Rohingya that, taken as a whole, create conditions that are destructive to the Rohingya, including, but not limited to, restrictions on freedom of movement, health, education, livelihoods, and equal access to citizenship;

(h) Invite the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights to open an office in Myanmar with a broad mandate to monitor and investigate human rights violations and to provide technical support as needed;

(i) Welcome the UN Special Rapporteur on the situation of human rights into the country, providing full cooperation and unfettered access;

(j) Engage with persons with disabilities and organizations of persons with disabilities to fully implement the Law on the Rights of Persons with Disabilities that provides the legal framework for implementing the Convention on the Rights of Persons with Disabilities;

(k) Ensure that the use of information technology that includes biometric data to register citizens for elections, and the use of new voting technologies, are established by law and in accordance with international standards, including the principle of non-discrimination, the right to privacy, and the rights of ethnic nationalities;

(l) Develop a legal framework required to ensure data protection through a transparent, inclusive, and participatory consultative process with all stakeholders;

(m) Restore full Internet and mobile connectivity in Rakhine and Chin states, repeal provisions in the 2013 Telecommunications Law that allow for arbitrary disconnection, and ensure its compliance with international law;

(n) Undertake broad and comprehensive legal reform of laws and provisions that unduly restrict and criminalize legitimate activity, such as the Penal Code, the Official Secrets Act, the Unlawful Associations Act, the Telecommunications Law, the Law on Protecting the Privacy and Security of Citizens, the Electronic Transactions Law, the Counter-Terrorism Law, and the News Media Law;

(o) Urgently amend the Penal Code to include a definition of torture, violence against women and other forms of sexual and gender-based violence, and of serious international crimes, including genocide, crimes against humanity, and war crimes, and include provisions for compensation and redress for victims, and for protection of witnesses;

(p) Adopt legislation on the Prevention of Violence Against Women that covers conflict-related violence and accords adequate support to victims and witnesses. Amend or repeal laws that are not compatible with the Convention on the Elimination

of all Forms of Discrimination Against Women, including with regard to gender stereotypes inconsistent with the promotion and protection of women's rights to equality and non-discrimination. Take decisive steps to put an end to conflict-related sexual violence, including violations committed by the Myanmar military and Ethnic Armed Organizations, and develop policy measures to expressly prohibit rape and other forms of sexual violence, and to bring perpetrators to justice through fair trials;

(q) Ensure that freedom of religion and belief can be exercised and guarantee that any advocacy for or incitement to hatred and violence is effectively addressed and countered, including in print, broadcast, and social media, in line with Human Rights Council resolution 16/18 and the Rabat Plan of Action. Publicly counter dangerous nationalist and populist narratives and actively promote pluralism, tolerance, and inclusion;

(r) Permanently end the persecution of journalists, human rights defenders, or others who exercise their right to freedom of expression and release all persons held in detention for legitimate activities. Dismiss all politically motivated charges that contravene human rights, including the rights to freedom of expression, peaceful assembly, and association. Ensure that redress is provided for any psychological or physical harm caused to them;

(s) End arbitrary detention, including incommunicado detention, of people suspected of being associates of Ethnic Armed Organizations and ensure the right to a fair trial and judicial guarantees in all cases. Address torture or ill-treatment in prisons and detention settings and undertake independent and impartial investigations into any allegations of torture, ill-treatment, and deaths in custody, including those during the riot in Shwebo prison in May 2020;

(t) Take decisive steps to improve and strengthen the justice system, including by countering political influence and corruption in the judiciary, guaranteeing civilian jurisdiction over crimes committed by the military and related personnel, and guaranteeing the independence of judges and prosecutors. Undertake reforms to strengthen justice-sector capacity and guarantee full access to justice and legal aid for all people, including ethnic nationalities; and

(u) Implement the recommendations of the Subcommittee on Accreditation of the Global Alliance of National Human Rights Institutions, and amend the founding law of the Myanmar National Human Rights Commission to bring it in line with the Paris Principles.

87. The Special Rapporteur recommends the Government of Myanmar and Ethnic Armed Organizations:

(a) Cease deployment of military forces to contested areas and observe a nation-wide ceasefire;

(b) End violations against civilians, including targeted and indiscriminate killings, rape, arson, forced displacement, forced labour, and damage to civilian objects and non-military targets;

(c) Guarantee full access to humanitarian actors providing lifesaving support to people in need; establish a more predictable and efficient Travel Authorization mechanism for humanitarian aid workers; and allow for media and human rights monitors to freely access areas affected by conflict and violence and report on their findings; and

(d) Immediately stop laying landmines, ratify the Convention on the Prohibition of the Use, Stockpiling, Production and Transfer of Anti-Personnel Mines and on Their Destruction, clear landmines and unexploded ordnances from contaminated areas in accordance with international mine action standards, properly mark and fence contaminated areas prior to clearance activities, and carry out systematic mine-risk and education activities, and permit humanitarian mine-action organizations to engage in mine clearance activities.

Appendix I

Non-exhaustive list of international companies disengaging from Myanmar military-affiliated entities following the Independent International Fact-Finding Mission on Myanmar's August 2019 report (Aug. 2019–Jan. 2021)

<i>No.</i>	<i>Company</i>	<i>Country</i>	<i>Background</i>	<i>Action</i>	<i>Date</i>
1	Dejero	Canada	According to FFM, the Tatmadaw procured dual-use Dejero data streaming equipment. Dejero confirmed its equipment was resold to a Myanmar “television network” in 2017 and 2018.	Instructed the reseller to suspend further sales of their products to Myanmar. ¹	August 2019
2	Esprit Holdings	Hong Kong, China, Germany	Ordered from Perfect Gains Garment Manufacturing, a factory inside Ngwe Pinlae Industrial Zone that is owned by MEHL.	Halted all future orders made to the factory. ²	August 2019
3	Jotron	Norway	According to FFM, Jotron supplied nearly US \$45,000 in air traffic control communications equipment to the Tatmadaw. Jotron confirmed its Singapore-based subsidiary delivered the equipment to Myanmar.	Instructed its subsidiaries to comply with guidelines set by the Norwegian Dept of Foreign Affairs (Myanmar is under an arms embargo) instead of local jurisdiction. ³	February 2020
4	Kirin Holdings	Japan	Operated joint ventures Mandalay Brewery Ltd and Myanmar Brewery Ltd with MEHL; partner companies of Myanmar Brewery donated Ks 17.9 million (US \$12,785) to the Tatmadaw.	Appointed Deloitte to conduct review of joint ventures to determine destination of their profits; suspended dividend payments; announced ending on 5 February. ⁴	June 2020
5	Lafarge Holcim	France, Switzerland	Lafarge (now LafargeHolcim)’s cement repacking subsidiary had leadership links with SinMinn Cement, an MEHL subsidiary.	Liquidated subsidiary. ⁵	July 2020
6	Maersk	Denmark	Used TMT Port, which is owned by MEHL and managed by a subsidiary of crony conglomerate KT Group of Companies.	Announced it will no longer use TMT Port. ⁶	October 2020

No.	Company	Country	Background	Action	Date
7	Marks & Spencer	United Kingdom	Used Myanmar Wise-Pacific Yangon Co., an MEHL joint venture, as a supplier.	No longer sources from Wise-Pacific. ⁷	August 2019
8	Newtec (ST Engineering)	Belgium	Supplied equipment and technology to Mytel through a contract with Com & Com.	Announced it would stop all commercial ties with Mytel and refuse requests made by Com & Com to use Newtec products in the Mytel network. ⁸	August 2019
9	Pan-Pacific	South Korea	Joint venture Myanmar Wise-Pacific Yangon Co. with MEHL.	MWY was renamed to EO Yangon Co. Ltd. and MEHL is no longer a joint venture partner. EO Yangon is now wholly owned by EO Co. Ltd. ⁹	September 2020
	Portia Management Services	United Kingdom	Operated TMT Port in Yangon jointly with crony company KT Services. The port is owned by the military controlled Myanmar Economic Holdings Ltd.	Decided to not renew contract with KT Group (set to expire in 2021). ¹¹	June 2020
11	Rothmans Myanmar Holdings Singapore	Singapore	Joint venture Virginia Tobacco Co. Ltd. with MEHL.	Taking legal action against MEHL for failure to meet demands for greater transparency following FFM report.	December 2020
12	Western Union	United States	Contract with Myawaddy Bank, which is owned by MEHL.	Ended contract with Myawaddy Bank.	January 2020

¹ “Response by Dejero,” Business & Human Rights Resource Centre, 16 February 2020, <https://www.business-humanrights.org/en/latest-news/response-by-dejero/>.

² “Fashion brands rethink Myanmar position after report on military ties,” *Nikkei Asia*, 26 August 2019, <https://asia.nikkei.com/Business/Business-trends/Fashion-brands-rethink-Myanmar-position-after-report-on-military-ties>.

³ “Response by Jotron,” Business & Human Rights Resource Centre, 16 February 2020, <https://www.business-humanrights.org/en/latest-news/response-by-jotron/>.

⁴ “Progress Report Regarding Kirin’s Operations in Myanmar,” Kirin Holdings, 5 June 2020, https://www.kirinholdings.co.jp/english/news/2020/0605_01.html.

⁵ “LafargeHolcim to shut down company in Myanmar,” Global Cement, 28 July 2020, <https://www.globalcement.com/news/item/11133-lafargeholcim-to-shut-down-company-in-myanmar>.

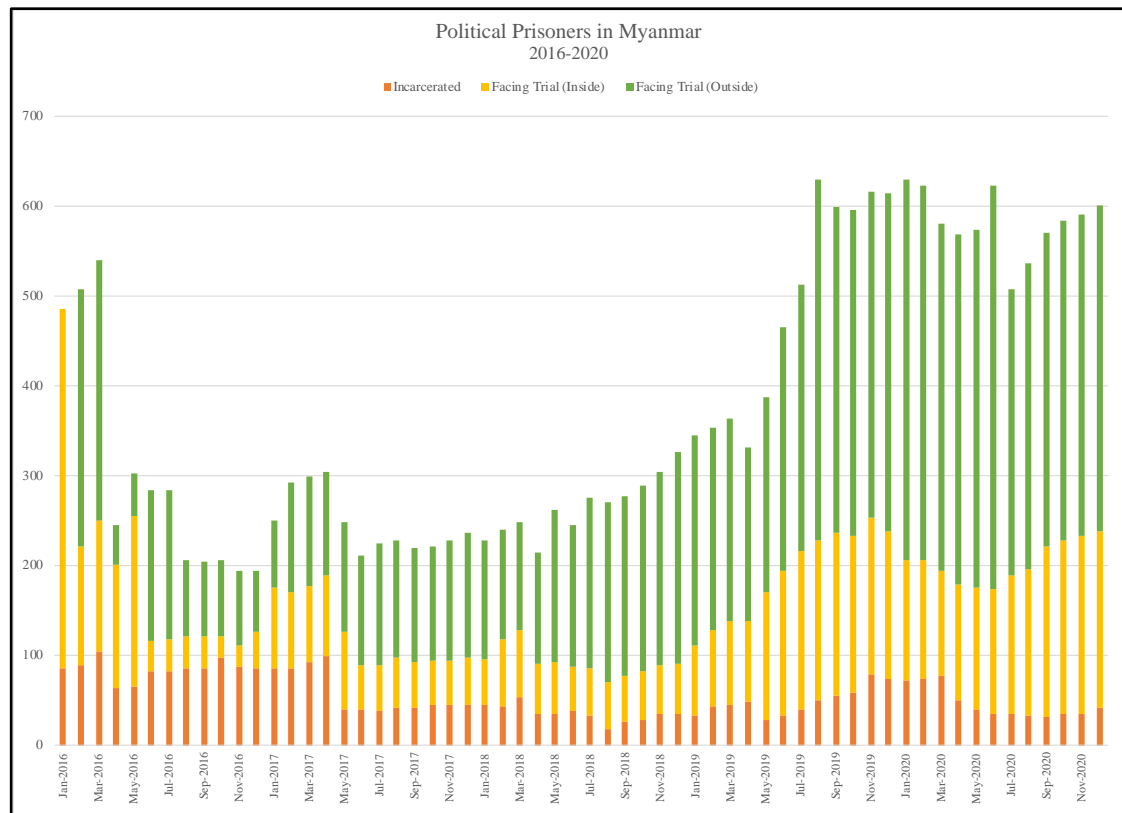
⁶ “Shipping Giant Maersk To Stop Using Military Ports in Burma,” Burma Campaign UK, 8 October 2020, <https://burmacampaign.org.uk/shipping-giant-maersk-to-stop-using-military-ports-in-burma/>.

⁷ “Fashion brands rethink Myanmar position after report on military ties,” *Nikkei Asia*, 26 August 2019, <https://asia.nikkei.com/Business/Business-trends/Fashion-brands-rethink-Myanmar-position-after-report-on-military-ties>.

- ⁸ “Newtec Statement on the Findings of The International Fact-Finding Mission on Myanmar,” Burma Campaign UK, 6 August 2019, <https://burmacampaign.org.uk/media/Newtec-Statement-on-the-findings-of-the-Independent-International-Fact-Finding-Mission-on-Myanmar.pdf>.
- ⁹ “EO Yangon Co. Ltd. Statement,” Justice For Myanmar, 1 March 2020, https://uploads-ssl.webflow.com/5e691d0b7de02f1fd6919876/603c5afb875cc7c8e02cbd3a_EO%20Yangon.png.
- ¹⁰ “British Company Portia to Stop Managing Military Port in Yangon,” Burma Campaign UK, 23 July 2020, <https://burmacampaign.org.uk/british-company-portia-to-stop-managing-military-port-in-yangon/>.

Appendix II

Political Prisoners in Myanmar, January 2016-December 2020¹



¹ AAPP Political Prisoner Lists, Assistance Association for Political Prisoners (Burma), January 2016 to December 2020, <https://aappb.org/?cat=105>.

Appendix III

Reported killings and serious injuries of Rohingya civilians (January 2020–January 2021)*

Targeted killings

<i>Date</i>	<i>Type</i>	<i>Summary</i>	<i>Civilians killed</i>	<i>Civilians injured</i>	<i>Alleged perpetrator</i>	<i>State/Township</i>
18 February 2020	Execution	A Rohingya civilian was executed by an identified armed group.	1	-	Other armed groups	Rakhine State/ Mrauk-U
29 February 2020	Small arm fire	The Arakan Army ambushed a convoy of 18 Myanmar military vehicles near the village which led to a clash. Afterwards, the Myanmar military fired into a nearby Rohingya village for an hour and a half, killing six Rohingya civilians.	6	-	Myanmar military	Rakhine State/ Mrauk-U
2 August 2020	Execution	The Myanmar police shot two Rohingya civilians. One died and another was injured.	1	1	Police	Rakhine State/ Sittwe
5 October 2020	Execution	The Myanmar military entered into two adjoining villages and detained 14 villagers to be porters and guides. Some of those detained were Rohingya cattle herders. The detainees fled and one person was injured. 12 villagers out of 14 detained villagers returned to the village. Two missing civilians were found dead with gun wounds on the next day, having been used by the Myanmar military as “human shields.”	2	1	Myanmar military	Rakhine State/ Buthidaung
5 October 2020	Execution	On 5 October 2020, in Minbya Township the Myanmar military shot three Rohingya civilians to death.	3	-	Myanmar military	Rakhine State/ Minhya
9 October 2020	Execution	A Rohingya civilian was detained by the Myanmar military in Maungdaw township and later died in custody.	1	-	Myanmar military	Rakhine State/ Maungdaw
11 January 2021	Execution	A Rohingya civilian went to the paddy fields at the night. His body was found the following day having been killed by an identified armed group.	1	-	Other armed groups	Rakhine State/ Minbya

* Non exhaustive.

** Total: 33 killed, including 15 children and 3 women, and 38 injured.

Civilian Casualties

<i>Date</i>	<i>Type</i>	<i>Summary</i>	<i>Civilians killed</i>	<i>Civilians injured</i>	<i>Alleged perpetrator</i>	<i>State/Township</i>
25 January 2020	Shelling	An artillery shell landed in a bed of a house and killed two Rohingya civilians and injured 7 others.	2	7	Myanmar military	Rakhine State/ Buthidaung
10 February 2020	Landmine/ UXO	On 10 February, four Rohingya civilians were killed and six were injured in Buthidaung township as a result of a landmine/UXO.	4	6	Unidentified	Rakhine State/ Buthidaung
10 February 2020	Shelling	A Rohingya civilian was killed and three were injured by an artillery shell fired from the Myanmar military navy ship on Kaladan river.	1	3	Myanmar military	Rakhine State/ Kyauktaw
12 February 2020	Shelling	An artillery shell landed into a house killing three Rohingya civilians and injuring two others. Relatives of the victims state that the artillery shell came from a security outpost where Myanmar military border guard forces are stationed.	3	2	Myanmar military	Rakhine State/ Buthidaung
18 February 2020	Landmine/ UXO	A Rohingya civilian was killed by a landmine blast.	1	2	Unidentified	Rakhine State/ Buthidaung
26 February 2020	Small arm fire/ Landmine/ UXO	A Rohingya civilian who was tending the cows near a border police checkpoint was hit by stray pieces of artillery shell and killed. However, it was unclear whether he was hit and killed by the artillery shell or he stepped on a landmine and the explosion killed him.	1	-	Myanmar military	Rakhine State/ Buthidaung
6 March 2020	Landmine/ UXO	A landmine exploded while five Rohingya civilians were herding livestock in a pasture near the village. One was killed, four others were injured.	1	4	Unidentified	Rakhine State/ Mrauk-U
9 March 2020	Landmine/ UXO	A mine killed one Rohingya civilian and injured five others.	1	5	Unidentified	Rakhine State/ Mrauk-U
10 March 2020	Landmine/ UXO	A landmine went off as two Rohingya civilians were herding cattle. One died on the way to the hospital.	1	-	Unidentified	Rakhine State/ Rathedaung

<i>Date</i>	<i>Type</i>	<i>Summary</i>	<i>Civilians killed</i>	<i>Civilians injured</i>	<i>Alleged perpetrator</i>	<i>State/Township</i>
22 April 2020	Small arm fire	A Rohingya civilian was killed in a crossfire between the Arakan Army and the Myanmar military. Six others were injured.	1	6	Unidentified	Rakhine State/ Minbya
12 May 2020	Landmine/ UXO	A landmine explosion killed two Rohingya civilians and injured one.	2	1	Unidentified	Rakhine State/ Buthidaung

Appendix IV

Countries with arms embargoes against Myanmar

<i>No.</i>	<i>Country</i>	<i>Description</i>
1	Albania	Aligned with EU sanctions and embargo.
2	Armenia	Aligned with EU sanctions and embargo.
3	Australia	Australia bans the direct or indirect sale or transfer of arms and related materials, as well as the provision of services related to the supply, manufacture, maintenance, or use of arms and related material under the Autonomous Sanctions Regulations of 2011. ¹
4	Bosnia and Herzegovina	Aligned with EU sanctions and embargo.
5	Canada	Since 2007, Canada has imposed an arms embargo, which includes the prohibition of exporting or importing arms and related material, or related technical and financial assistance, to and from Myanmar, under the Special Economic Measures Act. ²
	European Union	The EU has maintained an embargo on arms, munitions, and military equipment since 1991. ³ In recent years, the EU has expanded the embargo to include an export ban on dual-use goods, monitoring communications equipment, and prohibitions on military training and cooperation. ⁴
6	Austria	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
7	Belgium	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
8	Bulgaria	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
9	Croatia	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
10	Cyprus	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
11	Czech Republic	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
12	Denmark	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
13	Estonia	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
14	Finland	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
15	France	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
16	Germany	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
17	Greece	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
18	Hungary	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
19	Ireland	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
20	Italy	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
21	Latvia	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
22	Lithuania	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
23	Luxembourg	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
24	Malta	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
25	Netherlands	EU member state – sanctions, arms embargo applies.

No.	Country	Description
26	Poland	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
27	Portugal	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
28	Romania	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
29	Slovakia	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
30	Slovenia	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
31	Spain	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
32	Sweden	EU member state – sanctions, arms embargo applies.
33	Iceland	Aligned with EU sanctions and embargo.
34	Liechtenstein	Aligned with EU sanctions and embargo.
35	Moldova	Aligned with EU sanctions and embargo.
36	Montenegro	Aligned with EU sanctions and embargo.
37	North Macedonia	Aligned with EU sanctions and embargo.
38	Norway	Aligned with EU sanctions and embargo.
39	Switzerland	Aligned with EU sanctions and embargo. ⁵
40	United Kingdom	Following its exit from the EU, the UK adopted various restrictions on the trade of military and dual-use goods as well as prohibitions on the provision of monitoring communications equipment and military-related services to Myanmar. These regulations under the Burma (Sanctions) (EU Exit) Regulations 2019 work to the same effect as the current EU sanctions and regulations on military goods. ⁶
41	United States	On June 9, 1993, the United States issued Public Notice 1820 suspending all export licenses and other approvals to export or otherwise transfer defense articles or defense services to Burma, and since 1999, the US has designated Myanmar as a “Country of Particular Concern” under the International Religious Freedom Act of 1998, enacting the arms embargo in 22 CFR 126.1(a). ⁷

¹ “Sanctions Regimes: Myanmar,” Government of Australia, <https://dfat.gov.au/international-relations/security/sanctions/sanctions-regimes/Pages/myanmar.aspx>.

² “Canadian Sanctions Related to Myanmar,” Government of Canada, https://www.international.gc.ca/world-monde/international_relations-relations_internationales/sanctions/myanmar.aspx?lang=eng.

³ Declaration by the General Affairs Council, July 29, 1991.

⁴ Council Decision (CFSP) 2020/563 of 23 April 2020 amending Decision 2013/184/CFSP concerning restrictive measures against Myanmar/Burma, <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2020/563/oj>; “Declaration by the High Representative on behalf of the EU on the alignment of certain countries concerning restrictive measures against Myanmar/Burma,” European Council, 18 May 2020, <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/05/18/declaration-by-the-high-representative-on-behalf-of-the-eu-on-the-alignment-of-certain-countries-concerning-restrictive-measures-against-myanmar-burma/>.

⁵ “Mesures à l’encontre du Myanmar (ex-Birmanie),” Secrétariat d’Etat à l’économie SECO, 17 October 2018, https://www.seco.admin.ch/seco/fr/home/Aussenwirtschaftspolitik_Wirtschaftliche_Zusammenarbeit/Wirtschaftsbeziehungen/exportkontrollen-und-sanktionen/sanktionen-embargos/sanktionsmassnahmen/massnahmen-gegenueber-myanmar--burma-.html.

⁶ The Burma (Sanctions) (EU Exit) Regulations 2019, <https://www.legislation.gov.uk/ukxi/2019/136/contents/made>.

⁷ United States, Code of Federal Regulations, Title 22 §126.1, https://www.ecfr.gov/cgi-bin/text-idx?node=22:1.0.1.13.63&rgn=div5#se22.1.126_11.